

№ 1.

Цѣна въ С.П.Б. — 10 коп.
» въ провин. — 15 коп.

D262
.R9
Rare lib.
room

ХУДОЖЕСТВЕННО

ЖУРНАЛЪ

19

САТИРИЧЕСКІЙ

ГОДЪ I

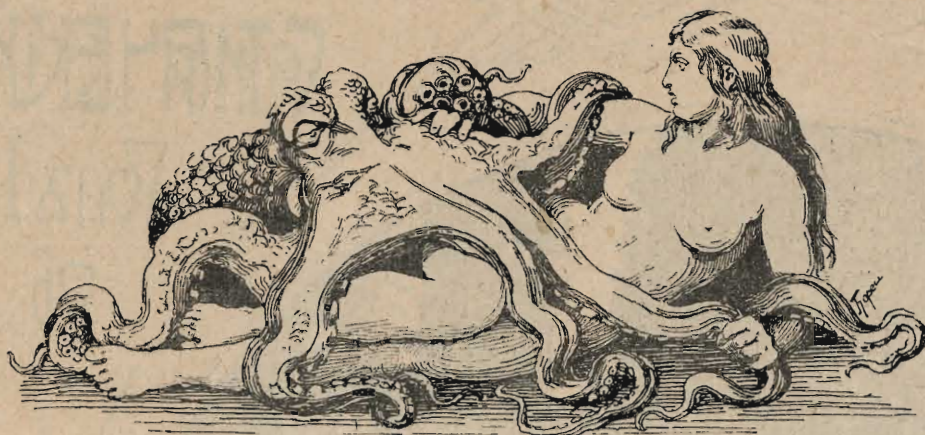
06

ПЧЕЛА

Н. С. П.

О «Пчелѣ».

«Пчела» — журналъ сатирическій. — Этимъ — все сказано: направленіе совершенно ясно.

«Сатира есть поэтическое обличеніе текущей дѣйствительности» — такое опредѣленіе сатиры даютъ намъ знатоки литературы.

А въ «текущей дѣйствительности» принимаютъ то или иное участіе всѣ люди безъ различія пола, возраста, званія, вѣроисповѣданія, націи.

По своимъ взглядамъ люди распредѣляются въ тѣ или инныя партіи, тѣ или инныя общества, тѣ или иные союзы и т. д.

Сатирѣ, обличающей вообще текущую дѣйствительность, поневолѣ не приходится считаться съ многообразными партіями, обществами.

Сатира должна быть только справедлива.

Никакихъ радѣній родному человѣчку.

Гдѣ — радѣніе, снисхожденіе — тамъ нѣтъ справедливости.

Сатира же стоитъ на стражѣ высшей справедливости.

И только высшая справедливость даетъ истинное благо!

Съ грознымъ, обшечнымъ, беспощаднымъ сарказмомъ Сатира должна обрушиться на все, что стоитъ преградой на пути благополучія человѣчества, на пути прогресса.

«Сатира бичуетъ, негодуетъ».

Такова — Сатира.

Такова будетъ наша скромная «Пчела». Но почему — «Пчела»?

Какой тайный смыслъ скрытъ въ семъ названіи? — спросишь ты меня, русскій читатель. — Я скажу тебѣ.

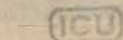
Пчела жалитъ трутней и не умираетъ: изъ хитиновой массы она легко вынимаетъ свое жало — такъ положено закономъ природы.

Моя «Пчела» будетъ жалитъ тоже трутней и изъ ихъ жирной массы она должна легко вынуть жало — должна! — такъ положено русскимъ закономъ.

И я полагаю, что русскій законъ такъ же твердъ и вѣренъ, какъ законъ природы.

Вотъ гдѣ — сходство!

И потому — «Пчела».

Загадки.

1. Пуговкою носъ — такъ уже пришлось: водкой торговалъ — росписи писалъ, а теперь болтаешь, что секреты знаешь.

2. Евреевъ — мучитель, черной сотни учитель; дѣвку оболѣстилъ — лыжи наострилъ.

??

— Законъ Архимеда, оказывается, приложимъ и къ министрамъ, ибо и министръ теряетъ въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣситъ вытѣсненная имъ жидкость.

* * *

Кругомъ борьба... кричатъ... рыдаютъ
Кровь льется... тѣло рвутъ...
Но ни на шагъ не отступаютъ!..
Впередъ идутъ.. идутъ...

Такъ грѣхъ и намъ съ тобой, Сатира,
Забившись въ уголь прозябать!
Пойдемъ съ тобой во имя мира!
Пора въ борьбу и намъ вступать!

Да! Мы пойдемъ скрестивши руки
Казнить насмѣшкой палачей.
Смѣяться будемъ не отъ скуки,
Не для забавы богачей!

Смѣяться зло и беспощадно!
Проклятыя въ смѣхъ посылать
Мы будемъ тѣмъ, кто кровожадно
Привыкъ все рушить, истреблять.

Всѣ казнокрады, попрошайки,
Убийцы женщинъ и дѣтей,
И вы — поклонники нагайки,
Штыковъ, висѣлицъ и плетей,

На васъ идетъ въ походъ Сатира!
И вамъ кричитъ: остановись!
Довольно крови!.. Правды!.. Мира..
О, совѣсть!.. Гдѣ же ты?.. Проснись!

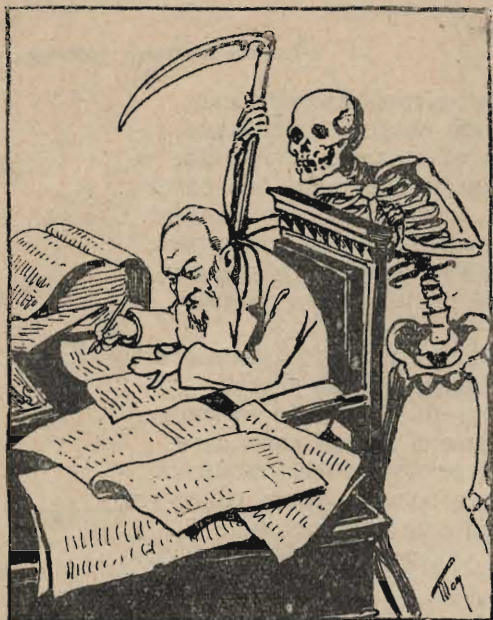
Н. І. Д.

Отрывокъ изъ „Не-Несчастливой лѣтописи“

Въ нѣкоемъ посадѣ нѣкии два зѣло охмѣлѣвшіе холопа кулачною борьбою бились. И въ томъ бою до того звѣрствовать учили, что одинъ меньшой большому по дьяволу наущенію и бѣсованію хитро носъ скусилъ. И сей носъ на съѣзжей въ пятнадцать рублей ассигнаціями опредѣлили.

И паки была оказія въ первѣйшемъ градѣ великаго царства. Камедійный мастеръ боярскаго рода женѣ своей носъ такожде скусилъ. И та жена, тако свой носъ утѣрѣвши, оный въ тридцать пять тысячъ рублей ассигнаціями опредѣлила.

Скажи-же, во сколько ассигнацій почитать надлежитъ носъ графскій?

Смерть.

И видѣть старца... Согбеннаго, сѣдого старца съ трясущейся головой, съ мутными глазами.

Онъ сидѣть въ большемъ креслѣ за широкимъ письменнымъ столомъ, сплошь заваленнымъ газетами... Онъ писалъ...

А сзади него, наклонивъ свой холодный черепъ и, шелкая беззубыми челюстями, стояла страшная гостья—Смерть. Въ своей длинной костлявой рукѣ она держала наотмашь сверкающую острую, какъ бритва, косу... Она, казалось, готова была сразить этого сѣдого, согбеннаго старика, который, не чувствуя леденящаго умъ и сердце дыханія стоящей за его спиной Смерти, быстро водилъ по бѣлому листу бумаги своею дряхлою, преступною рукой...

Старикъ привсталъ и вслухъ, громко дрожащимъ голосомъ началъ читать написанное... Его беззубый ротъ искривила дикая злоба... Его блѣдныя, безкровныя губы произносили страшныя слова... Онъ просилъ смерти, просилъ ее у тѣхъ, кто могъ ее дать, просилъ въ сильныхъ, красивыхъ выраже-

ніяхъ, но не для себя... нѣтъ... для тѣхъ другихъ, для тѣхъ, кто еще молодъ душой...

Онъ хотѣлъ крови, мученій, стenanій этотъ трясущійся бездушный старикъ.

— «Смерти! Смертной казни!»—закончилъ кровавый литераторъ и утомленный припадкомъ безсильной злобы ко всему молодому бодрому, самоотверженному грузно опустился въ кресло...

Смерть со звономъ переложила косу въ лѣвую руку, а костяшки правой руки протянула молча ужасному старцу...

Долгое дружеское рукопожатіе...

— Смертоносный союзъ! — Съ тѣхъ поръ страшный литераторъ и Смерть—неразлучны.

И когда поздно ночью въ залитомъ электрическимъ свѣтомъ кабинетѣ сѣдой старецъ пишетъ свои статьи, Смерть сидитъ тутъ же, возлѣ стола; своею блестящей косою мѣрно покачиваетъ она въ тактъ быстро бѣгающему по бумагѣ перу...

И въ каждой строкѣ, написанной безумнымъ, жалкимъ старикомъ, чувствуется холодное дыханіе суровой, безжалостной Смерти.

И никогда не ищите въ рѣчахъ этого лжепублициста сердечности.

Вмѣсто сердца у него—куски сырой, могильной земли.

Посвящается чернильному воякѣ Кладу.

(Басня).

«Послѣ драки кулаками не машутъ».

Морякъ въ Владивостокъ когда-то отправлялся,

Онъ къ Скрыдлову зачѣмъ-то назначался; Со всѣми быстро распрощался:

Ко времени напасть старался—

Съ врагомъ лицомъ къ лицу Хотѣлось быть бойцу.

Но тамъ морякъ недолго оставался,

Съ японцами совсѣмъ не дрался, Но все же кой чего понахвотался

И—возвратившись—старался

Понятно разъяснить:

И какъ,

И почему

Насъ будутъ бить.

Вопросомъ нѣкій гражданинъ задался:

А до войны-то что же онъ не догадался

Намъ, Русскимъ пояснить:

Какъ съ малою толикою червонцевъ

Суда получше закупить

И съ ними бить японцевъ.

Безумный! Развѣ можно

Такъ неосторожно

Вопросы предлагать?

Пора тебѣ ужъ знать,

Что задній умъ всегда все знаетъ,

Впередъ не всякій угадаетъ.

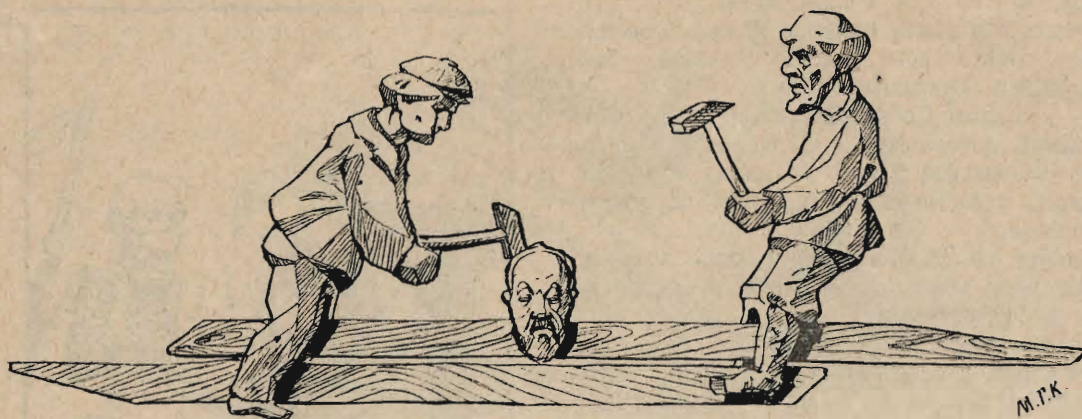
Холева.

Не поняли.

— Какъ Вы, Ваше Превосходительство, объясняете возникшее освободительное движеніе?

— Да просто объясняю: переполненіемъ тюремъ.

— ?!

Орденъ обанкротивше-
муса банкиру. Въ числѣ
лицъ, удостоенныхъ 1-го
января орденомъ св. Анны,
по представленію мини-
стерства финансовъ, на-
ходится объявленный не-
состоятельнымъ и скры-
вшійся варшавскій бан-
киръ Владиславъ Равичъ,
котораго коммерческой
судъ г. Варшава пору-
чилъ розыскать и за-
ключить подъ стражу.
Такъ какъ мѣсто пре-
быванія Равича неиз-
вѣстно, то орденъ св.
Анны не можетъ быть
ему врученъ (Биржев.
Вѣд. № 9162).

Что ни народъ
То свой обычай крѣпко держать.

У насъ на новый годъ
Правительство народъ тѣмъ тѣшитъ,
Что награждаетъ орденами,
Званіемъ дарить, чинами.

И каждый годъ
Предлинный списокъ награжденныхъ
Всякъ въ «Вѣстникѣ» найдетъ
Конечно много обойденныхъ.
Не безъ интригъ и ордена!
Такія нынче времена!

Вотъ вамъ — въ чинахъ,
Давно и сильно возвеличенъ,

Весь — въ орденахъ
И очень ужъ судьбой отличенъ!
А ни способностей особенныхъ, ни знанья!
Ни мыслей свѣтлыхъ, ни старанья!

А вотъ — бѣднякъ
Работаетъ, изнемогаетъ,
Но все никакъ
Никто его не замѣчаетъ.
Ни благодарности, ни повышенія...
Ни отъ кого невидно поощренія!

А вотъ и финансистъ:
Недавно Анной награждался,
Анъ — аферистъ,
Банкротъ, мошенникъ оказался
И за границу такъ удралъ,
Что даже ордена не взялъ.

Все это вамъ, друзья, я рассказалъ
Не потому, что неизвестно.
Нѣтъ... просто помянуть желалъ:
По нонѣшнимъ годамъ не очень будетъ
лестно
Въ ряду такихъ именъ какъ Равичъ про-
читать
Что орденомъ и Васъ — допустимъ — награж-
даютъ.

Вѣдь надобно тогда считать
Въ полезности васъ съ Равичемъ равняютъ,
А пользы онъ — извѣстно — не принесъ:
Чужія денежки съ собой увезъ!

Холева.

На мотивъ:

«Забыты нужныя лобзанья...»

Забыты графомъ обѣщанья,
Уснула совѣсть со стыдомъ,
Ему не страшны порицанья,
Премьеръ мечтаетъ объ одномъ,
На сердце лишь одно желанье:
Бывалы дни вновь возвратить,
Вернуть опять Руси страданье
Свободы на смерть задавить.

А вѣтеръ плачетъ, завываетъ,
Снѣжинки легкія крутя...
Премьеръ задумчиво мечтаетъ,
Мечтаетъ сладко какъ дитя.
Мечтаетъ онъ вернуть былое,
Всѣхъ вольнодумцевъ разогнать,
А вѣтеръ говоритъ иное
Со злобнымъ свистомъ: не бываты!

Холева.

Вопросы и отвѣты.

— Какое сходство между продажною жен-
щиною и портфелемъ министра?

— Отдаются всякому встрѣчному.

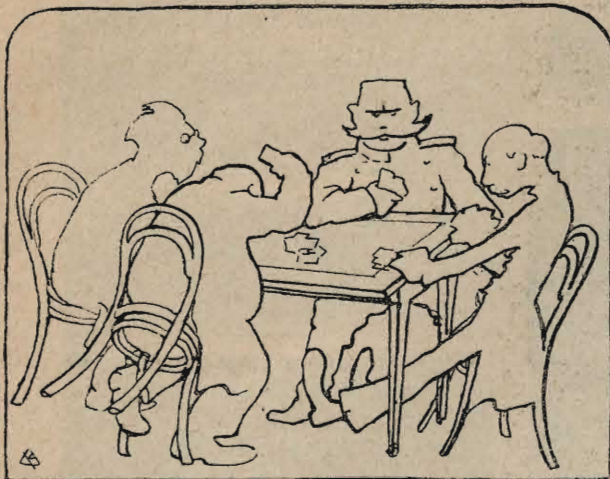
— Какое сходство между коночнымъ ку-
черомъ и гр. Витте?

— Обязаны и звонить и тормозить.

Пресѣченіе.

(Разсказъ жандармскаго офицера).

Вѣдь какъ тонко, политично, я Вамъ до-
ложу, выдумалъ! А! По-мо-щъ го-ло-да-ю-ще-
му на-се-ле-ні-ю... И оформилъ даже: разрѣ-
шеніе тамъ, всевозможные открытые и за-
крытые листы... И губернаторъ-то тоже: ха-
латъ, бабыя туфля... Обидно даже смотре-
ть: человекъ солидный, постъ вѣдь какой!.. а
пониманія ни-ни, то есть никакого. Явился
къ нему, представьте, шелкоперъ, очевидный
крамольникъ, докладываетъ: — я, молъ, такъ
и такъ, Ваше Превосходительство, инженеръ
Чаевъ, благотворитель... Кормить желаю го-

лодающих... Позвольте листъ... А тотъ и растаялъ: извольте, голубчикъ, извольте!.. заводите смуту... кормите... И при томъ полное небреженіе закономъ: ни справочки о благонадежности, ни малѣйшаго увѣдомленія хотя бы мнѣ о томъ, что ѣдетъ кормить... поднаблюсти за провизіей... содѣйствовать... А ужъ мы бы постарались, посодѣйствовали... А то ни гу-гу... Вѣдь это счастье подперло, можно сказать... чрезвычайное и въ то же время усиленное стеченіе обстоятельствъ... Игралъ въ карты... Продулся до чиста... Отъ скуки рѣшилъ проѣхать по деревнямъ...

не подумайте!.. безъ заднихъ мыслей... съ настроеніемъ ознакомиться. Ёду по деревнѣ... Гляжу мужикъ стоитъ и рыгаетъ... да вѣдь какъ рыгаетъ, я Вамъ скажу... этакъ сочно... видно, что нажрался.

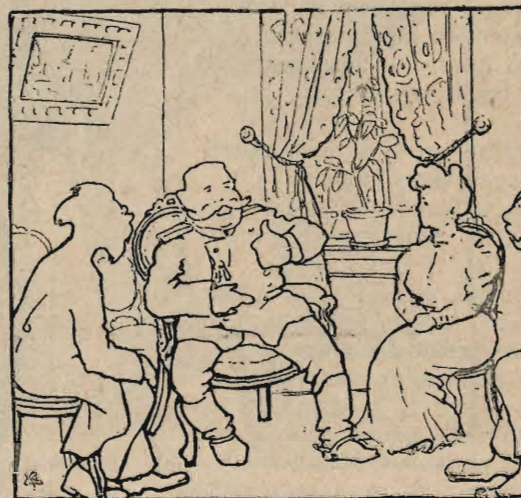
— Жралъ?

— Такъ точно, Вашъ—бродіе, полудноваль, вполне доволенъ.—Я такъ даже, вѣрите ли, вздрогнулъ... ушамъ не вѣрю. А онъ старается, поясняетъ: «Таперича намъ, слава Богу, воспособленіе выпло».—Какъ, мерзавецъ, воспособленіе! Откуда? Усадьбу дармоѣды разнесли! А!.. Молчать!.. Не возражать!.. Запорю!..—Да разъ его, да два, да три въ ухо... Старшину сюда!—ору уряднику... Привели.

— Къ допросу, говорю, негодяй!.. Воспособленіе?!.. А? Я те дамъ это самое воспособленіе, субсидію цѣлую закачу. Я те такъ накормлю: цѣлую недѣлю кровью чихать будешь отъ удовольствія... Сейчасъ же отвѣчай, откуда, по какому праву, безъ моего вѣдома... воспособленіе?—«А такъ что господинъ инженеръ пріѣхали, столовую намъ... кормежку... и денегъ батюшкѣ тыщу дали...» Ага-га-га! Вотъ оно гдѣ гнѣздо то самое что ни на есть террористически-коммунистическое... Ура! Африка!—какъ сказалъ нѣкій грекъ... Вотъ оно думаю, и отыгрался... Накрылъ.—«Подать инженера! — Подали. — «Связать!» — Связали. Протестуетъ. Хотѣлъ въ морду засвѣтить... но... паспортъ, открытый листъ показываетъ... въ порядкѣ... Да и при томъ мужики тутъ же шуршатъ... Благодѣтель, кормилецъ, поилецъ... не по закону... онъ съ бумагой... печать есть... всякія такія свинья неблагонадежныя слова произносятся... Вотъ-съ и возмущеніе!.. А губернаторъ не понимаетъ этого, не различаетъ... Накорми такихъ хамовъ... они съ жиру и мыслить захотятъ, пожелаютъ понимать что законъ, что нѣтъ... мои дѣйствія критиковать... Анархія!.. Сплошной ужасъ!.. А былъ бы голодный... урчало бы у него въ брюхѣ: урр..., урр... некогда было бы всякими политиками заниматься, залѣзъ бы на полати, размышлять бы по христіански, благотивно о хлѣбѣ насущномъ, о жратвѣ... А то... критиковать!.. Хамъ! Баранъ!.. Вѣдь этакъ и недалеко и до открытаго возмущенія... А все что?—Попустительство! Губернаторъ либеральничаетъ, мин-

дальничаетъ съ разными инженерами... Смѣхъ!.. Да и неестественно! Инженеръ народъ кормить пошелъ! А? Давно ли?.. Вотъ какъ посидитъ до выясненія обстоятельствъ въ холодной, покормитъ тамъ вшей и клоповъ казенныхъ... ха, ха, ха!.. съ благотворительной цѣлью, такъ узнаетъ, можетъ ли онъ противъ меня протестовать, узнаетъ, кто—я и кто—губернаторъ... Мнѣ на всякіе открытые, закрытые листы наплевать!.. Важно: пре-сѣ-ченіе!

* * *

Дѣло, видно, плохо нонче,
Коль Суворинъ свахой сталъ!
Изморился что-ли, отче,
Много въ жизни пописалъ?

Поборовъ въ себѣ смущенье
Трудъ полегче онъ нашель:
Открываетъ «заведенье»—
Слухъ по Питеру прошель.

Это будетъ заведение
На Руси впервой... починъ!..
При посредствѣ объявленья
И для дамъ и для мужчинъ.

Холева.

Ей.

На мотивъ:

«Я—цыганка: мало дѣла»...

Въ Буффѣ, Фарсѣ, у Неметти
Лавры можешь пожинать.
Отъ тебя заслуги эти
Мы не мыслимъ отнимать.

Ты искусство обновила,
Ты цыганщину ввела,
Новымъ жанромъ подарила,
Ты звѣздой у насъ была.

Томно глазками играла,
Бюстомъ лихо шевеля,
По цыгански завывала
Сердце нотками сверля.

Ну за это—честь и слава!
Превеликое merci!
Но кабацкая забава
Не къ лицу теперь Руси!

Тяжко, долго Русь страдаетъ,
И въ крови, въ слезахъ она,
Вся давно недоѣдаетъ
И въ конецъ разорена.

Но тебѣ какое дѣло?
Ты сыта и весела...
Потому то въ адресъ смѣло
Имя славное внесла.

Если-съ ты, звѣзда, въ опоркахъ
Къ намъ въ столицу пробралась,
Ночевала на задворкахъ
И отъ холода тряслась.

Если-бъ ты поголодала,
Потерпѣла отъ людей—
Вотъ тогда-бъ не подписала
Благодарности своей.

Ты пѣвица изъ народа,
Въ крестьянствѣ родилась,
Хоть черна твоя порода,
Но по барски зазналась.

Кровь ручьями всюду льется
Въ страхѣ весь народъ живетъ,
А она себѣ смѣется
Про любовь цыганъ поетъ...

Позабыла—не поется
Нынче въ пѣсняхъ про любовь,
Нонѣ русскій не смѣется:
Всюду стоны, слезы, кровь...

Позабыла, что народу
Нуженъ хлѣбъ, а не вино,
Не брилліанты, а свободу
Получить онъ ждетъ давно.

Позабыла—какъ на свѣтѣ:
Если братьевъ братья быють,
То ни тѣмъ, ни этимъ братьямъ
Диэирамбозъ не поють.

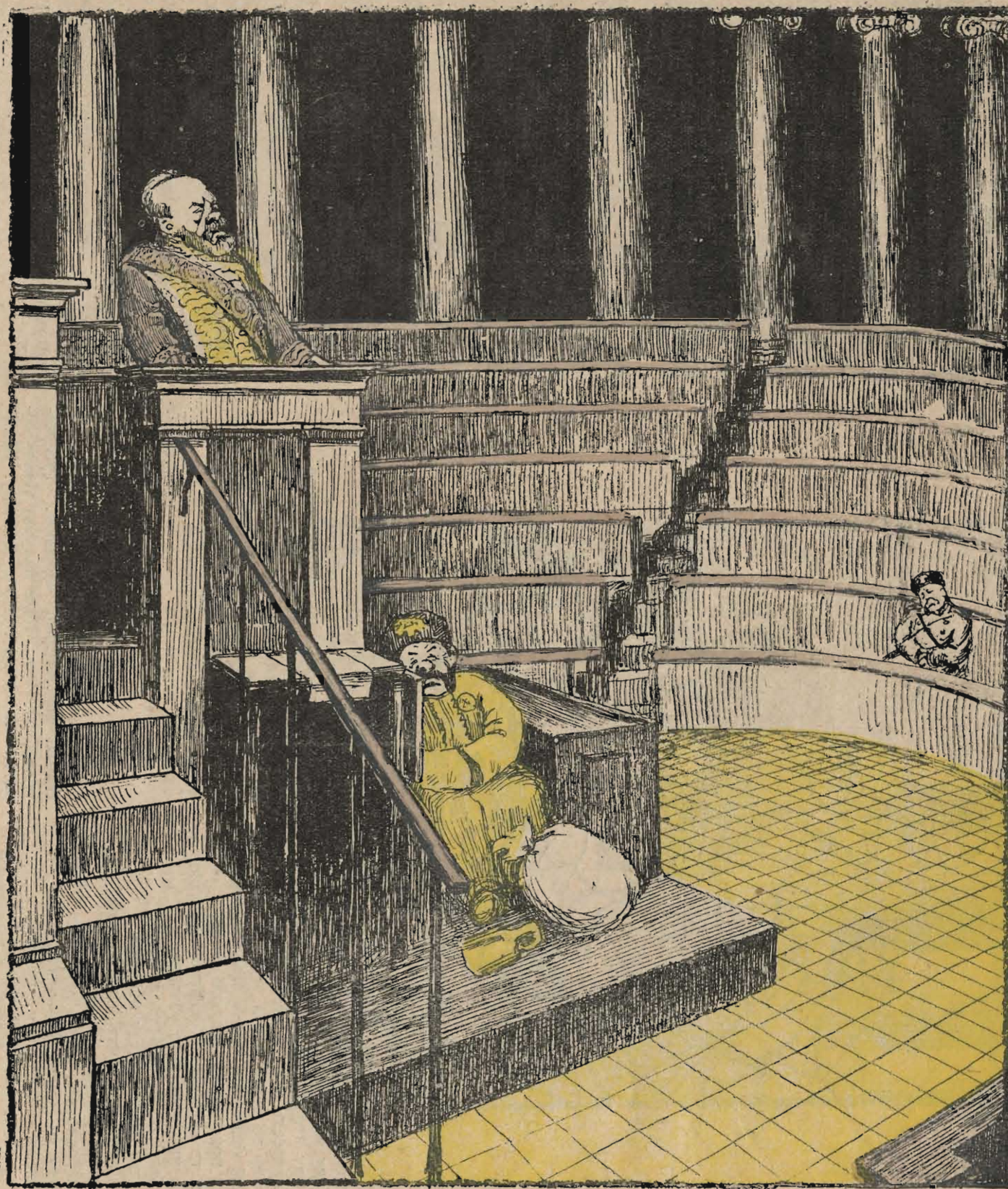
Такъ не смѣй же издѣваться,
Не тебѣ, мамзель, судить!
Твое дѣло—наряжаться
На подмостки выходить.

М. К.

Наблюденіе.

Испанскаго быка
Да индюка-глупца
Да старика
Суворина-отца—

Всѣхъ трехъ возможно обозлить.
Коль красные штаны носить.

Первое заседание Государственной Думы 29 Февраля 1906 года. Речь премьеръ-министра.

Съ фот.

— Въ голодающих губерніяхъ рѣшено кормить „селедками“ златоустовскаго производства.

Признаніе Крушевана.

Долженъ вамъ пояснить я сейчасъ,
Почему на жидовъ ополчался:
Потому что въ Россіи у насъ
Отъ евреевъ законъ отступался.
Потому то еврея всегда
Всякій билъ «патреотъ» безъ боязни.
— Ну присудить судья кой когда
Да и то вѣдь не къ смертной же казни!—
А по мнѣ хоть кого убивать:
Россіяны ли, армяны ли, халдеевъ,
Но... за нихъ по суду отвѣчать.
Безъ отвѣта—однихъ лишь евреевъ!
Говорю: я любилъ убивать
И разбоемъ всю жизнь занимался
Почему не судили? Да—знать—
Палачемъ отъ казни я считался.
Крови много невинной пролилъ,
Разорилъ, опозорилъ я многихъ,

Никого никогда не щадилъ—
Дѣтей рѣзаль и грабилъ убогихъ.
Слезы, просьбы мнѣ были ничто,
Я съ усмѣшкой взиравъ на страданье.
И въ отвѣтъ на вопросы: «за что?»
Убивать отдавалъ приказанье.
Мнѣ прощенья не надо теперь,
Состраданья къ себѣ не желаю:
Я убійца, грабитель... я звѣрь!
Я свободу, любовь проклиная!

Липко.

Разговоръ.

— Да-а! Ловко это тебя звиздануло...
Бревно двистительно, здоровое... Губерна-
торскій размѣръ... Поди макушку теперь ло-
мить... А знаешь, что я те скажу? Безпо-
лезный, лядащій ты человекъ... дымократомъ

тоже называешься... на матюги ходишь... а
отъ дряни, отъ бревна сопишь, верещишь...
зря людей въ безпокойство вгоняешь... Нѣтъ,
братъ... дымократъ долженъ ко всякому брев-
ну приспособленіе имѣть... а не то что ре-
вѣть... Зашибло—эвона когда!—третьево дни
до обѣда, а ты и ночью козла дерешь... Охъ
да охъ... Вонъ анираль... Не чета тебѣ,
благородный, великатный, понятіе о себѣ
настоящее имѣть... а вонъ давеча на пло-
щади то Соборной шаромъ... чугунинымъ какъ
саданули... да полбу то прямо, а не то что-
бы съ снисхожденіемъ краешкомъ... нѣ-ѣтъ!
А ничего! Наподалъ онъ, братецъ ты мой,
эту самую оказію лбомъ и даже раскланялся...
по этому случаю пьянку къ вечеру затѣялъ...
Веселый баринъ! А ты орешь! эхъ ты, пентай!

— Такъ тамъ, дяюшка, другое дѣло...

— Почему такому другое? Что же у тебя
то у хама башка великатнѣе... ты что же
въ приходскіе учителя чтоль мѣтишь? Все
въ науку вдаряешься! Дымократъ тоже!

— Такъ вѣдь, дяинька, тамъ шаръ...

— Шаръ, шаръ... Затвердилъ... шаръ... А
шаръ то вещь тяжеловѣсная... не бревно
какое нибудь... пустышное...

— Такъ онъ, дяюшка, губернаторъ!

— А ты хамъ!

— Такъ у нихъ должность такая... при-
наладились, а по первоначально то и ихняго
брату до смерти зашибало...

— А ты привыкай!.. терпи!

— Да ужъ больно дяинька, винтить, не
въ терпезъ,—потому и крикаю.

— Да-а! Наука, братъ ихняя большая ну
и деньжищъ страсть тмушная... Да и рассу-
ди! Не всякому желательно это лбомъ бо-
даться при всемъ народѣ... вродѣ какъ на
смѣхъ... Чай, тоже, поди болить не болить,
а страху наберешься. Такъ вотъ ты и терпи...
Не ори...

— Чаво-жъ, дяинька, терпѣть, ни къ чему
это... Въ Губернаторы нашему брату не
пройти... Ужъ я лучше, дяинька, поору.

— Ну поори, поори родимый! Башка у тебя
нѣжная... все отъ наукъ вашихъ. Башка не
губернаторская! Нѣ-ѣтъ. Толку изъ тебя
настоящаго не выйдетъ. Пропаций ты чело-
векъ!

C R E D O.

Генералы.

Къ недавней отставкѣ
44 генераловъ.

Сколько ихъ! Куда ихъ гонять?
Всѣ въ мундирахъ, орденахъ...
Только шпоры—слышно—звонятъ,
Видны слезы на очахъ.

* * *

Да! Свершилось. И уходятъ
Генералы на покой.
И съ почетомъ ихъ проводятъ
Други шумною толпой.

* * *

Истомились, изстрадались,
Много было имъ заботъ.
Храбрецами—знаемъ—дрались
За отчизну, за народъ!

* * *

Проливали кровь обильно
Генералы на войнѣ...
Потрудились посильно
И достаточно вполне!

* * *

«Отдохнуть пора приспѣла:
«Надрываться имъ не слѣдъ!
«Не давать имъ больше дѣла—
Такъ рѣшилъ на-дняхъ совѣтъ.

* * *

Провожаетъ въ путь дорогу
Благодарный имъ народъ...
Что за выправка! Всѣ въ ногу.
Эхъ! Такихъ бы да въ походъ!

* * *

Сколько ихъ! И всѣхъ ихъ гонять
Всѣхъ въ мундирахъ, орденахъ...
Только шпоры—слышно—звонятъ
Видны слезы на очахъ.

Холева.

Дружескіе совѣты

(По Далю).

Коковцову. Дружба—дружбой, а въ кар-
манъ не лѣзь.

Покупателю ренты.—Кукишъ и безъ де-
негъ купишь.

Реформѣ русской. Засиженное яйцо—все
болтунъ.

Маленькій рецептъ.

(По М. Горькому).

Какъ безъ крови и чаши получить чашу
крови.—Взять луну, непременно красную,
перерѣзать ее пополамъ тучей на манеръ
рыбы и подать на столъ.

Изъ жизни.

— «Все это—жидовское изобрѣтеніе!»—
воскликнулъ по привычкѣ регѣ—Суворинъ,
прочтя нѣкоторое анонимное посланіе, не
взглянувъ на заглавіе, гдѣ обозначено было:
«правительственное сообщеніе».

Необычайное происшествіе.

— Недавно въ громадномъ кабинетѣ одно-
го загороднаго ресторана собрались тайные
и дѣйствительные тайные совѣтники съ
«звѣздами» для обсужденія нѣкоторыхъ во-
просовъ первостепенной важности. Во время
оживленныхъ «превій» вошелъ солидный
господинъ назвавшій себя «депутатомъ». Не
дослушавъ, что онъ депутатъ отъ хора, нѣ-
которые совѣтники тотчасъ-же произвели
«химическую» обструкцію.

Производится дознание.

— Всі кэшени вивертає,
А там грошей вже чорт має—
Нічим похмелитись!

Стоячее болото.

Жуткое, странное чувство взволновало всегда спокойного, серьезного губернского секретаря Ивана Даниловича, когда послѣ окончанія занятій онъ черезъ анфиладу коридоровъ направился въ «просительскую».— Робкими осторожными шагами Иванъ Даниловичъ Свободинъ вошелъ въ ярко освѣщенный огромный пріемный залъ директора правленія—просительскую, гдѣ сегодня должно было состояться съ разрѣшенія «Превосходительства» собраніе служащихъ для обсужденія своихъ нуждъ.

Собираться только что начали.

Нѣсколько столоначальниковъ, два ревизора, директорскій дѣлопроизводитель стояли посреди зала, о чемъ то громко, непринужденно разговаривая; молодые чиновники съ

значками учености на правой сторонѣ вицмундировъ прогуливались по залу, при встрѣчѣ бережно обходя своихъ непосредственныхъ начальниковъ; въ высокихъ кожаныхъ креслахъ, уставленныхъ въ рядъ, вдоль стѣны, расположились правленскія барышни; нѣсколь о пижоновъ изъ подающихъ надежды старались быть истыми кавалерами, занимая своихъ дамъ разговоромъ легкимъ, пріятнымъ, не обременяющимъ—и безъ того утомленный канцелярскою работою—мозгъ милыхъ собесѣдницъ; здѣсь—слышался смѣхъ; мелкіе чиновники прекраснаго пола, вольнонаемные, всѣ «шестерки» правленія—этого маленькаго бюрократическаго княжества—пугливо сбились въ кучу недалеко отъ входныхъ дверей.

Здѣсь же остановился и Иванъ Даниловичъ.

Залъ мало по малу наполнялся правленскими всѣхъ ранговъ.

Уже во всѣхъ концахъ зала шла оживленная бесѣда. Оробѣвшая мелкота ободрилась и тоже, хотя и въ полголоса, заговорила.

А вопъ тамъ—направо у окна какой то раскрасѣвшийся жирный столоначальникъ комично жестикулируя видимо агитировалъ среди небольшой кучки «сознательныхъ» канцеляристовъ.—Сильные міра сего пошли въ народъ! Какая величественная картина!

А Иванъ Даниловичъ молча стоялъ все на томъ же мѣстѣ, которое занялъ войдя въ залъ. Онъ нервничалъ. Чувство ожиданія чего то хорошаго, свѣтлаго, чего то неслыханнаго, невиданнаго подергивало нервы бѣднаго, загнианнаго старика-двадцатника.

Дверь широко распахнулась. Вошелъ «самъ». Всѣ смолкли. Подчиненные приняли соответствующее сему важному выходу положеніе, и лица ихъ застыли съ выраженіемъ полнѣйшей готовности и преданности входящему «превосходительству».

— Господа! — промолвилъ директоръ, не пріятно нарушая своимъ рѣзкимъ теноркомъ гробовую тишину собранія—прошу открыты засѣданіе, избравъ предѣдателя, на котораго я и возлагаю отвѣтственность за веденіе въ должномъ порядкѣ и законности настоящаго собранія. Во всякомъ случаѣ долженъ замѣтить, что вполне рассчитываю на вашу тактъ и сдержанность.

Превосходительство слегка кивнулъ собравшимся и, круто повернувшись на высокихъ каблукахъ, вышелъ изъ зала.

На небольшомъ возвышеніи, наскоро приспособленномъ, появился вышесказанный молодой человѣкъ; каждый жестъ руки, каждый поворотъ каблука напоминали о его аристократическомъ происхожденіи.—Поднявшійся послѣ ухода «самого» шумъ сталъ стихать. Давъ собранію совершенно успокоиться, молодой человѣкъ не безъ сладости и убѣдительности въ тонѣ предложилъ «почтенному» собранію избрать предѣдателемъ начальника счетнаго отдѣла, подслѣповатаго хохла Якова Емельяновича—того самаго, который былъ женатъ на двоюродной племянницѣ директо-

ра и которому въ прошломъ году довѣрено было составленіе списковъ обычныхъ праздничныхъ наградъ.

Предложеніе было принято съ восторгомъ.

Яковъ Емельяновичъ былъ избранъ единогласно, ибо—собственно говоря—списки наградъ были составлены сравнительно съ прежними добросовѣстно, и особенныхъ отяжекъ въ пользу родныхъ и хорошихъ знакомыхъ замѣчено не было.

Слегка переваливаясь, нѣжно поддерживаемый за локоть руки своимъ помощникомъ, вошелъ при громѣ аплодисментовъ Яковъ Емельяновичъ на возвышеніе-каедру раскланиваясь на всѣ стороны, какъ молодой артистъ впервые услышавшій «браво».—Наступила тишина.—По лицу Якова Емельяновича пробѣжала тѣнь нѣкоторой озабоченности, вызванной, вѣроятно, пониманіемъ всей важности возложенныхъ на него функций председателя митинга, каковыя ему-грѣшному, разумѣется, отправлять пришлось впервые. Припомнивъ кое что изъ разсказовъ своихъ знакомыхъ—«красныхъ» о правахъ и обязанностяхъ председателей, онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ предложилъ ораторамъ записываться.

Такъ началось собраніе.

Записались.

Иванъ Даниловичъ насторожился; кровь прилила къ лицу; въ вискахъ стучало; сердце такъ сильно, сильно колотилось, руки дрожали.

Заговорилъ одинъ, другой, третій ораторъ... И всѣ они, всѣ эти сытые недотроги-столоничники, бухгалтеры, счетчики, завѣдую-

щие—всѣ они говорили такое хорошее, доброе, умное, свѣтлое такъ горячо и такъ, казалось, искренне. И всѣ тѣ, кого раньше Свободинъ считалъ бездушными канцелярскими заводными машинками, теперь казались героями, которые здѣсь, въ стоячемъ, чернильномъ болотѣ первые заговорили о святыняхъ завѣтахъ, обязанностяхъ человѣчества.

Любовь къ родинѣ, свобода, правда, равенство, любовь къ ближнему—великія, могучія слова красиво переплетались въ рѣчахъ ораторовъ; словно электрическимъ токомъ они пронизывали все существо Ивана Даниловича... Иванъ Даниловичъ былъ такъ счастливъ, какъ никогда, ни разу въ жизни...

Они учили людей любить другъ друга...

И онъ ихъ полюбилъ всей силой своей маленькой искренней души...

Онъ—одинокій червякъ, чернильная душа, онъ повѣрилъ имъ...

Опьяненный радостнымъ блаженствомъ, беззвучно шевеля губами онъ повторялъ то, что говорили «тѣ», боялся пропустить хоть одно слово изъ ихъ жгучихъ самоотверженныхъ рѣчей...

Но вотъ заговорилъ и Яковъ Емельяновичъ...

Неужели и онъ, и онъ—какъ тѣ?..

—Всѣ мы, господа, собрались сюда потолковать о дѣлѣ. Общаго свойства обстоятельства: братство тамъ, любовь и все прочее въ достаточной мѣрѣ выяснены. Главное же дѣло касательно пособия по случаю вздорожанія провизій не выяснено... Объ этомъ, навѣрное, всѣмъ желательно похлопотать. Если вамъ угодно, то я могу завтра же пригото-

вить приблизительную разверсточку выше-названнаго пособия, а затѣмъ уже совмѣстно оную обсудить... Время теперь позднее: пожалуй, возможно закончить собраніе. Какъ отнесется собраніе къ моему предложенію?

Громъ аплодисментовъ. Крики «браво». Аплодируютъ даже и тѣ—ораторы. Яковъ Емельяновичъ угадалъ собраніе, онъ сказалъ то, что давно хотѣли услышать многіе.

Собраніе кончилось.—И «самъ» не напрасно рассчитывалъ на тактъ и сдержанность почтеннаго собранія. Текуція событія обсуждены въ полномъ порядкѣ и законности.

Брюхо съѣло умъ и сердце!... Разверсточка съѣла равенство... Пособіе отодвинуло на задній планъ идеи правды, любви, свободы...

Зачѣмъ, зачѣмъ такъ много говорилось великихъ словъ, если нужно было одно: пособіе?!.. Зачѣмъ выходя на разбой молиться Богу?!.. Зачѣмъ ради брюха играть святыми завѣтами человѣчества?!..

Иванъ Даниловичъ со слезами на глазахъ, съ разбитой вѣрой въ людей, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ грустно опутивъ голову выходилъ изъ зала. Кругомъ слышался веселый разговоръ о пособіи, о разверсточкѣ; восхвалялся либерализмъ «Превосходительства», находчивость, умъ—Якова Емельяновича...

Избалованное деликатессами жирное обвисшее человѣческое брюхо восторжествовало...

Умъ и сердце были побиты.

Такъ всколыхнулось Стоячее Болото.

Редакторъ-издатель *Николай Данишевскій*.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ПЧЕЛА“.

Цѣна въ годъ съ перес. и достав. въ СПБ.—4 р., въ провинціи—5 р., Отдѣльн. ном. въ СПБ.—10 к., въ провинціи—15 к. *

При покупкѣ въ конторѣ свыше 10 экз. скидка.

Объявленія строка: предлож. труда—10 к., остальн.—20 к. Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 2½ до 5 веч.; Завѣдующій конторою отъ 5 до 7 веч.

Редакція: Забалканскій пр., д. № 20, кв. № 32. Контора: тамъ же, кв. № 31.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МАТЕРІАЛЪ ПРОСЯТЪ НАПРАВЛЯТЬ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Типографія «СВѢРЪ» А. М. Лесмана. С-Петербургъ, Садовая. 42.

цѣна 10 коп

№ 2

Цѣна въ СПБ. 10 к.
въ провинціи 15 к.

ПЧЕЛА

ГОДЪ I

ХУДОЖЕСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

1906

Голодъ
идеТъ!!!

Иди!

Когда въ лунную, морозную ночь ты, усталый путникъ одиноко бредишь по пустынной, бѣлой равнинѣ, когда отъ холода стынетъ кровь въ жилахъ твоихъ и коченеетъ тѣло твое, еле прикрытое рубищами, не останавливайся, собирайся съ силами, иди впередъ!

Иди!

Въ движеніи—твое спасеніе!

Когда темная, зловѣщая туча краемъ задергнетъ бѣдный серпъ луны, и ярко бѣлая равнина вдругъ подвернется сѣроватымъ тономъ, когда засвиститъ уныло вѣтеръ и легкія пушинки снѣга плавно начнутъ отдѣляться отъ земли, уносясь куда-то въ даль—иди скорѣй, не останавливайся, иди до бури!

Когда окрѣпнетъ вѣтеръ, а зловѣщая туча, все больше и больше закрывая своими уродливыми очертаніями луну, покроетъ густымъ мракомъ далеко окрестъ землю—не останавливайся!

Иди скорѣй!

Иди: буря—близко!

Когда повалитъ густыми хлопьями снѣгъ, когда буря затянется свою дикую, могучую, жуткую ибсю,—не вслушивайся ли въ хохотъ, ни въ рыданія метели, собирайся съ послѣдними силами, не медля, иди!

И когда вьюга начнетъ убавлять тебя—недушемерзлаго, навѣвая своей однообразной, нестройной, грохочущей ибсией сладкій, теплый сонъ—не спи!

Сонъ—смерть!

Движеніе—жизнь!

Иди...

Пусть злится вьюга, пусть кривой вѣтеръ больно бьетъ твое влажное лицо острыми свѣжностями, пусть онъ рветъ на тебѣ твои жалкія лохмотья, пусть ты истерзана и устала—не отдыхай, не стой, иди!

За минутный покой полный чудныхъ грёзъ заплатишь ты дорого безумной вьюгѣ. Вьюга большимъ сугробомъ снѣга накроетъ твое поспѣвшее, израненное тѣло: она дастъ тебѣ тепло, а ты отдашь ей *жизнь*!

Такъ иди же!

Неудержимо иди впередъ!

Въ движеніи, прогрессѣ—твое счастье, твоя сила, твое спасеніе, твоя *жизнь*!

Иди!

Настанетъ разсвѣтъ—утихнетъ буря...

Но ты иди!

т.

Дождется Русь разсвѣта голубого,
Пробьется черезъ тьму свободы яркій лучъ.
Страхнувъ оковы гнета вѣкового
Воспринять нашъ народъ и грозенъ и могучъ.

И васъ не позоветъ на судъ народный,
На безошадный, скорый, справедливый судъ,
Васъ, угнетателей народъ свободный.
Не бойтесь, палачи! Нѣтъ! Васъ не позовутъ!

Не позовутъ: есть приговоръ готовый,
Сложился онъ давно уже въ умахъ рабовъ.
Сготовили приговоръ для васъ суровый
Народъ нашъ стонущій подъ тяжестью оковъ.

Тотъ приговоръ казнить повелѣваетъ.
Васъ будутъ медленно, мучительно пытать.
Но, палачи, не смерть васъ ожидаетъ!
Живыми будете метаться и стонать!

Презрѣнъ васъ казнить народъ рѣшаетъ.
Провлѣтѣть будетъ васъ повелѣду провожать!
Но... далече рѣшенье это не пугаетъ:
Привыкли пресмыкаться, гады, и дрожать!

Н. Г. Д.

Сильно матушка-казна поотощала,
Всѣ деньги за границу отослала.
Ох-ти!

Рента съ займами ее пообобрали,
Бюрократы тоже усердно запускали
Когти.

По вѣзѣ швамъ теперь карманы затрещали.
Крестьяне съ голодухи зашнуровали
Тихо.

Отъ редакціи.

Начиная съ № 3 въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться „Обзоръ за недѣлю“—И. М. Васильевского (не—Буква). Редакція покорнѣйше проситъ читателей—провинціаловъ сообщать ей не стѣсняясь изложеніемъ—факты изъ мѣстной жизни, достойные пера сатирика.

Въ слѣдующихъ номерахъ количество рисунковъ будетъ увеличено.—

А имъ что?!.. *они* балансы составляютъ,
О кредитныхъ операціяхъ вѣщаютъ
Лихо.

И Коковцева къ банкирамъ посылаютъ,
На «заемчики» надежды возлагаютъ.
Утки!

А Шиповъ пока—гляди какъ поступаетъ—
Разноцвѣтныя бумажки выпускаетъ.
Шутки!

Къ себѣ вкладчиковъ умѣло зазываетъ:
Поль процента имъ набавить обѣщаетъ.
Чутки!

Такъ финансы онъ Россіи поправляетъ.
Кабинетскія надежды оправдаетъ?
Лудки!

ХОЛЕВА:

Передъ отправленіемъ съ карательной экспедиціей генералъ Орловъ сказалъ: „Муравьева-Вилленскаго поминать скоро въѣтъ, меня будутъ поминать три столѣтія!“ (Изъ В. Г.—8 Февр.).

Геростратъ—эфесець.
Орловъ—русскій.
Геростратъ—неопредѣленнаго чина.
Орловъ—генералъ.
Геростратъ хотѣлъ передать свое имя вообще потомству, безъ указанія опредѣленнаго срока.

Орловъ—скромный Герострата: онъ разсчитываетъ на три столѣтія.

Геростратъ сжегъ храмъ Діаны; человѣческихъ жертвъ не было.

Орловъ сжегъ нѣсколько латышскихъ дворовъ; человѣческія жертвы были.

Имя Герострата благодарное потомство украсило эпитетомъ: «безумецъ».

Какимъ эпитетомъ благодарное потомство должно украсить имя скромнаго генерала Орлова?

Отрывокъ первый изъ „Современной“ лѣтописи“

Въ лѣто 1906 отъ Р. Х., отъ сотворенія же^мира
7414.

Въ Тифлискомъ воеводствѣ мухобдане-
нехристи изъ подѣ начала нашего русскаго
выходить удумали, откупъ-подати въ казну
подавать кончили; бѣсовскою гордостью сердца
свои преисполнивши боярамъ русскимъ учти-
вости не оказывали.

И посылаеся на нихъ съ дружиною вѣр-
ною, храброю, пѣшею и конною, съ великими
и малыми армадами нарочито лютый воевода,
рода нѣмецкаго, по прозванію Бауэръ, и на-
казано было воеводѣ оному нехристей подѣ
начало русское поставить, въ покорность
привести.

И пришедъ туда оный воевода велича-
ясь и гордясь. А за нимъ дружина вѣрная,
превеликое людей множество.

И сталъ лютый воевода похваляясь
предѣ нечистыми и повѣдалъ имъ слово
свое грозное: «Эй, вы, собаки нечистыя!
Положите все оружіе свое, всѣ пйки, всѣ
пистолы къ ногамъ моимъ; а кто не поло-
житъ, худо тому приключится; смерть
ему—лютая: пытать мучить повелю его
и денно и нощно желѣзомъ каленымъ,
иглами острыми; а дѣтямъ его приго-
товлю смерть страшную на колесахъ
армадныхъ; а молодымъ женамъ въ половѣ
идти; а отцамъ старикамъ четвертован-
нымъ висѣть три дня и три ночи; а стару-
хамъ-бабамъ однимъ съ голоду помирать;
а города и веси нещадно огнемъ палить
буду; и тако—всякому селенію алтына
откупа-подати не додавшему.—А ероку
вамъ даю до захода солнца».

И задрожали нечестивые, въ смущеніе
впали испугомъ, убоялись смерти лютой,
откупались алтынами да деньгами, хра-
брому воеводѣ замѣно кланялись.

А отъ тѣхъ словъ воеводиныхъ вострепе-
тали сердца и русскіе православные, помра-
чился зракъ, притупился разумъ, скутался
слухъ, понеже егда и съ нихъ русскихъ,
православныхъ такожде откупъ-подати выко-
лачивать учнутъ—въ лѣса темныя, степи да-
лекія утекать подобно, понеже алтыны недо-
плены повсюду во множествѣ, а тѣхъ алты-
новъ доставать не у кого, откупаться не на
что. И не будетъ на Руси святой ни людей,
ни весей.

И бысть въ тѣ поры по всей землѣ русской,
православной плачь великій и скрежетъ зу-
бовный.

БАХУСЪ.

Персія: Что магушка?... Все еще—тяжелая... ая ужъ
августа... мальчикъ... Домъ Справедливости...
Лыдно, стыдно!.. Баба—здоровая, а дѣвчен-
ку, Думу... все не можешь!

Посвящается

нѣкоторымъ фабрикантамъ.

Повергнуть ницъ предѣ золотымъ кумиромъ
Трудящийся, рабочій людъ—
Вотъ нужно что заводчикамъ—вампирамъ!
Поклоня отъ народа ждуть!
Но совѣсть есть, о чести не забыто!
Народъ за вами не поидетъ!
На то, что потомъ и трудомъ добыто,
Полуголодный людъ живетъ.
Онъ трудится и горя не боится:
Нуждой его напрасный трудъ—пугать!
Хоть голоденъ, по съ рабствомъ не мирится.
Не можетъ лицемѣрить, лгать.

И вамъ всегда онъ правду прямо
скажетъ

Пугайте голодомъ, тюрьмой!
Онъ—терпѣливъ, и какъ судьба
прикажетъ
Покорно побредесть съ сумой.
Въ борьбу съ рабочимъ вы теперь
вступили,

Хотите вы его поработить
И потому заводы, фабрики закрыли...
Но такъ его, пожалуй, не сломить!
Скорѣй умретъ, чѣмъ сдаться вамъ
рабочій!

И вамъ придется отступитъ!
Вѣдь если онъ на вѣкъ закроетъ очи
Съ кого же кровь тогда вамъ пить!

Н. І. Д.

Неукопворные памятники.

«Вотъ это—по *тренозски*!»—сказалъ
Окулевъ, убивъ студента Давыдова и,
не жалѣя патронновъ, всадила еще нѣ-
сколько пуль въ убитаго.

«А ну-ка по *дубасовски*!»—крикнули
мужички и вдребезги разгромили усадьбу
помѣщика.

«А ну-ка по *вотковски*!»—пробар-
моталъ банкиръ и нарунѣлъ до вѣ-
сѣ своихъ добрытелей, прекративъ плаче-
чи по обязательствамъ.

Б. В.

Тяните!

Отвратительная картина...

Простите меня: я набросаю ее.

Провинциальный пыльный городок; лето; базарная площадь; ряд лавок; у лавок стоят позвякивающие сытые, краснощекие мясники; возле лавок боязливо, виляя хвостом, прижав уши пробѣгает голодный пес.

Начинается забава...

Бросают кусок мяса, собака жадно хватается его на лету и проглатывает. Бросают еще; собака проглатывает и доверчиво подходит ближе.

Тогда бросают кусок мяса, обвязав его предварительно концом веревки; другой конец веревки в руках развлекающегося мясника.

Собака проглатывает и этот кусок мяса.

Мясник тянет за веревку и вытаскивает из горла собаки проглоченный кусок мяса.

Собака визжит от боли: веревка ободрала ей горло; сочится кровь...

А мясники хохочут...

Развлекаются...

Не правда ли отвратительная, мерзкая, далеко не забавная картина!

А если бы то была не собака, а человек голодный...

Если бы ему дать кусок хлеба, а потом тащить обратно...

Не правда ли—еще отвратительней!..

Но развѣ «административный порядокъ», «административное усмотрѣніе» и т. п. не изъ тѣхъ веревокъ, которыми услужливые

охранители—тѣ же мясники,—тянутъ изъ гортани Россіи всѣ пять свободъ заразъ, разворачивая всѣ внутренности...

Развѣ это—не отвратительная картина?

Чѣмъ она лучше той, первой, съ собакой?— Она даже—хуже.

Вѣдь тамъ собака, здѣсь—человѣкъ. И не одинъ человѣкъ, а сто пятьдесятъ миллионовъ «голодныхъ» людей.

Тамъ—физическая боль, а здѣсь еще и нравственная,

Смѣйтесь, развлекайтесь мясники—охранители!

Полубуйтесь на кровь человѣческую.

Смотрите только, кабы ваша веревка не оборвалась! Да и развязать теперь нельзя—поздно!

Такъ—тяните же! Дружнѣй! Авось скорѣе оборвется!

CREDO.

Изъ газетъ.—Одинъ коннозаводчикъ, послѣ того какъ крестьяне сожгли у него заводъ, самъ поджегъ деревню, которая сгорѣла дотла.

Коннозаводчику сожгли заводъ, Разграбили въ амбарахъ рожь.

„Необразованный народъ!

„Культуры ни на грошъ!—

Кричитъ коннозаводчикъ громко—

„Вотъ Власть, Семень да Оомка....

„Злодѣями не смѣю ихъ называть!

„Культуренъ я, а потому могу повяты:

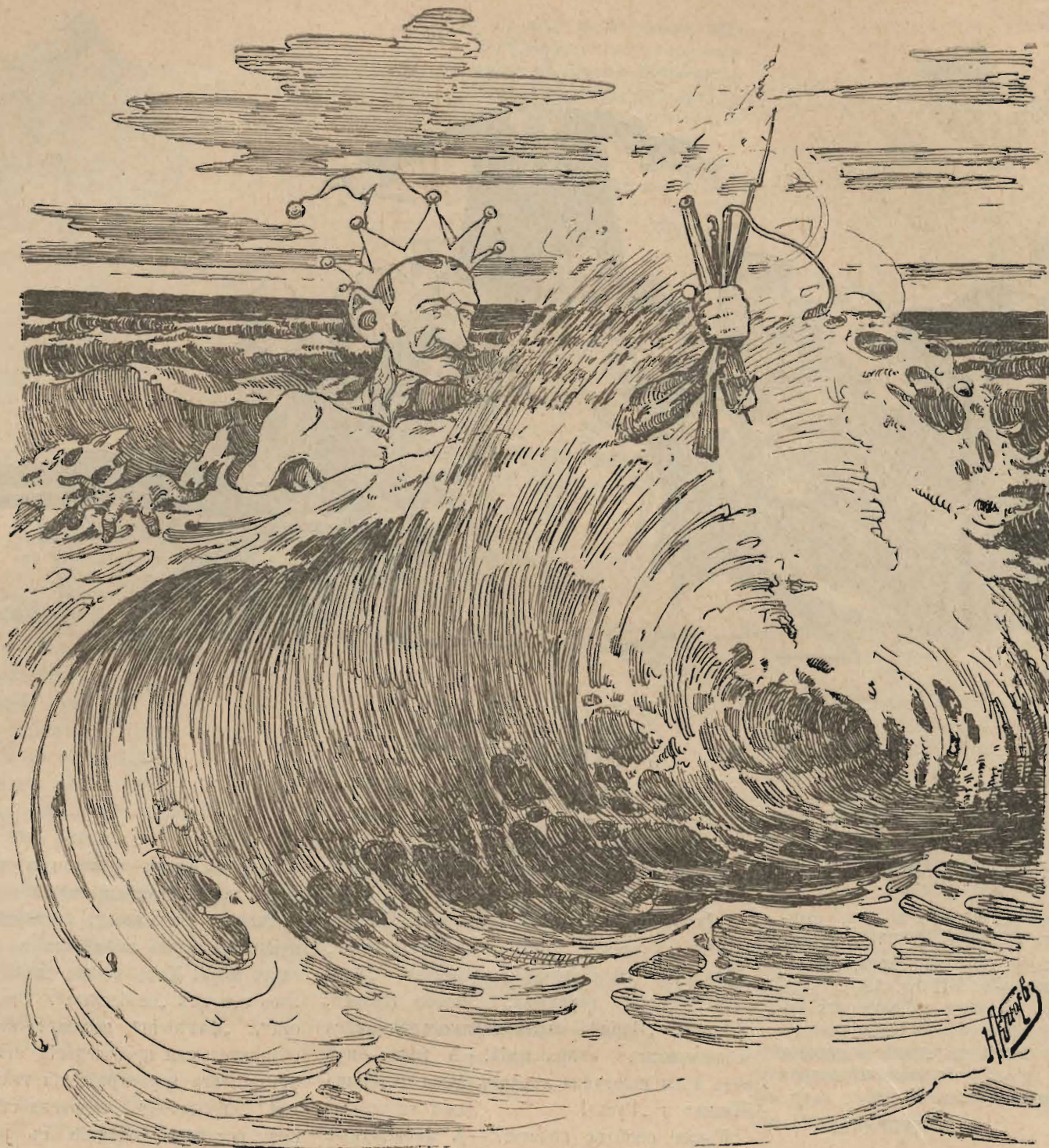
„Когда они заводъ мой поджигали,

„Они—поди—не полагали,

„Что подлость совершали—

„По темнотѣ не знали“!

Современный Посейдокъ.

Настала ночь.

Конюшаводчикъ измѣнился:
Оскинулъ всю „культуру“ прочь,
Самъ съечь деревню умудрился.

Конецъ же басни вотъ какой:

Пустивъ всю „темноту“ съ сумой
Конюшаводчикъ въ городъ уѣзжаетъ,
Сентябрьскіе купоны учитаетъ,
Живетъ, заботъ не знаетъ.
А „темнота“ съ сумой гуляетъ!

Затѣмъ ходить съ сумой,

Коль выходъ есть простой?

Пусть „темнота“ пятипроцентныя скорѣе
покупаютъ.

Не стѣтъ и не жнетъ, а только „подстрѣ-
гаетъ“.

ХОЛЕЗА.

Къ выборамъ въ Государственную Думу.

Должность начальника тюрьмы, по разъяс-
ненію губернской выборной канцеляріи, къ
числу полицейскихъ должностей не принад-
лежитъ и права участія въ выборахъ въ
Государственную Думу не лишаетъ.

(«Рус. Гос.»).

Должность профессора, по разъясненію
губернской выборной канцеляріи, принадле-
житъ къ числу полицейскихъ должностей и
лишаетъ права участія въ Государственную
Думу.

(«Пчела»).

Загадки.

Великъ у барина языкъ; и богатъ, и
лишь прищипъ.

По аграрному вопросу.

Мой совѣтъ и простъ важенъ:
Чтобъ земель не отбирать
И чтобъ былъ вопросъ улаженъ,
Нужно вотъ какъ поступать.
Мужиковъ хоть половину
На Руси перестрѣлять.
Дѣло это можно Миню
Довѣряясь передать.
Уцѣлѣвшихъ отъ разстрѣловъ
Для острастки передать;
Для прирѣзки же надѣловъ
Мертвыхъ земли пораздѣлять.

ЛИПКО.

Нут-ка, братцы, всё заразь,
Дружно, вмѣстѣ, еще разъ!
Живите крѣпче, не плошайте,
И скорѣй освобождайте!

Маленькая справка.

Витте—небольшая мѣдная монета, бывшая въ обращеніи до конца XVIII столѣтія въ Сѣверной Германіи. (Изъ энциклопед. слов. Брокгауза и Ефрона—т. VII ст. 580).

Какъ видно изъ выписки въ закладкѣ великаго русскаго графскаго рода Витте помимо русскою золотой валюты, казенной монополіи и Портсмутскаго договора принялъ нѣкоторое участіе и нѣмецкій пятакъ.

ИСТОРИКЪ.

Извозчикъ.

(Вася).

Извозчикъ разъ Суворину попался—
Суворина на Эртелевъ окъ везъ.
Ну разговоръ, вѣстимо, завязался,
Какъ рожь, какъ молотъба, овесь....
Дорогою еврей имъ повстрѣчался,
И о евреяхъ разговоръ зашелъ.
Ангисемятъ извозчикъ оказался.
(А на жидовъ Суворинъ тоже золъ!)
Извозчикъ—патріотъ отчаянно ругался
И такъ жидовъ по всячески костилъ,
Что даже самъ Суворинъ удивлялся:
Кто такъ извозника богато просвѣтилъ?
Великъ талантъ въ извозникѣ скрывался!
Талантамъ на Руси не должно погибать!
И потому Суворинъ постарался
Извозника въ сотрудники нанять.
Извозникъ съ радостью въ газетѣ основался,
Съ ругнею началъ „критику пущать“.
Извозникъ этотъ вамъ, извѣряю, встрѣчался:
Буренинъмъ Витюхой—величать.

Н. Ч. Д.

Да здравствуетъ свобода печати!

„Любовныя письма Ковалевскаго къ Шабельской“, „Чудеса о. Іоанна Кронштадскаго“, „Женщины съ Невскаго проспекта“, „Дружескій совѣтъ евреямъ“, „Новое Время“, „Слово“, „Заря“—какая карамельная смѣсь всевозможныхъ направленій!—А вонъ—изъ подъ полы газетчика торчатъ даже и „Наша Жизнь“ и „Русь“!

Какая свобода печати?!—А ненасытные инородцы революціонеры подняли дикій вой! Какой еще свободы захотѣли?

Зачѣмъ намъ—напримѣръ—какая то „красная“ сатира à la „Зритель“, „Жупелъ“, „Маски“, „Сигналы“, „Спрутъ“ et cetera, когда въ достаточномъ количествѣ есть иная сатира—„черновато—желтая“?

А развѣ послѣдняя не обличаетъ, не будитъ въ пробуждающихся отъ вѣковаго сна массахъ горячаго интереса къ общественно-политической жизни? И слава ей, неустрашимой! Слава ей, нестѣсненной ни въ формахъ, ни въ выраженіяхъ! Спасибо за „историческіе“ фельетоны, за безсмертныя передѣлки Боккачіо и Кавалера Фоблаза подъ русскій вкусъ! Да здравствуетъ парнографія безъ предварительной цензуры! Долой ненавистную цензуру! Да здравствуетъ свобода печати!

Впередъ, впередъ...

Еще оставшіеся въ живыхъ люди и сапожъ тѣхъ не стоптали, въ которыхъ ходили на Гороховую, на торжественныя пороховыя крестыны русской свободухи, только четыре

мѣсяца на дняхъ стукнуло, а ужъ какое развитіе, какой быстрый задній ходъ впередъ!

Сколько особенныхъ талантовъ всколыхнувшаяся жизнь выбросила со „дна“ житейскаго моря! Какъ мощно „во-всю“ развернулись эти всѣ „особенные“! Сколько „смѣлости“, „фантазіи“ вложили въ свои яркія, обличительныя произведенія эти почеркѣвшіе отъ долгаго неупотребленія таланты! Съ какою „свободной“ откровенностью снимаютъ они послѣднее одѣяніе съ разнузданныхъ „политическихъ“ кокотокъ!

Циничный видъ развратнаго мяса, мастерски нарисованнаго на страницахъ журнала, вызываетъ неподдѣльное „негодованіе“ у всѣхъ читателей: и у словявскихъ трясушихся старичковъ, и у бонвивановъ средняго возраста, и у золотой молодежи, и у юныхъ подростковъ...

Слава вамъ, «талянты»! Слава вамъ, отцы русской «политической» парнографіи!

— А вы, господа издатели и редакторы, культивирующіе въ своихъ теплицахъ-журналахъ великодушныя цвѣты скабрзности, кричите на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ пивныхъ, трактирахъ и ночлежкахъ, кричите громче: Да здравствуетъ свобода вашей совѣсти! Да здравствуетъ свобода умѣлаго передвиженія обывательскихъ грошей въ ваши карманы! Да здравствуетъ свобода печати!»

Работайте родителямъ на угѣшеніе, отечеству же на пользу!

Осторожность.

Въ канцелярии графа Витте учреждено новое отделение для разсѣдыванія благонадежности кандидатовъ въ Государственную Думу. На расходы ассигновано на первое время 25 тысячъ.

Изъ газетъ

Въ канцелярии у Витте
Учрежденъ особый столъ...
Молодой, грядущей Думѣ
Парень пѣсенку завелъ:

Мы пришли на островъ дикій...
Нѣтъ порядка, нѣтъ основъ...
Вѣкъ молчать въ нуждѣ великой
Приучили здѣсь рабовъ...
«Такъ съ тобой, моей голубкой
Неужель намъ розно спать?»
Стану я довѣренъ сильный
Всѣ свободы насаждать!..

Хорошо поетъ собака,
Убѣдительно поетъ,
Но вѣдь это прогнѣвъ графа!
Не нажать бы намъ хлопотъ...

Оправдаться есть возможность,
Да не спросить—вотъ бѣда!
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!

* *

Петербургскій комендантъ
ген.-майоръ Трещинъ набралъ
въ Тавричествомъ дворѣ рядъ
комнатъ для вооруженной стра-
жи, въѣзжай въ комнату при на-
родныхъ представителяхъ.

Изъ газетъ

У Булыгина-папашин
Конституція вышла дочь
Говорятъ министры наши
Помогали день и ночь...
Бюрократу съ важными чиномъ
Отказана оспрашивать,
И тотчасъ же барыняды
Строить стала не сприсясь...
Бомбы многое рѣзаютъ
Это тиснуть мы могли-бъ.
Но вѣдь это посягаетъ
На Дубасовскій принципъ
За подобную шлошность
Не постигла бѣдъ, такъ бѣда...
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!

* *

Въ виду неумѣстныхъ слу-
ховъ о возможности народнаго
суда—въ Совѣтъ Министровъ
рѣшено предоставить депута-
тамъ говорить въ Думѣ только
о предстоящихъ реформахъ т.
е. о будущемъ, но не касаться
ни прошлаго, ни настоящаго
положенія.

Изъ газетъ

Что народъ ни добываетъ
Все не впрокъ ему идетъ,
Конституція духъ сжимаетъ,
А свобода тѣло жметъ...
Ужъ таковъ теперь «обычай».
Стонуть, воютъ чудачи...
И пируетъ камарилья,
Рвутъ Россію палачи...

Судъ народный ихъ проклятыхъ
Долженъ въ Думѣ разобрать...
Но... вѣдь это значитъ явно
На могучихъ натравлять
Ну, какая же возможность
Такъ рискнуть? Кругомъ бѣда!
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!..

НЕ-БУКВА.

Экстренная телеграмма.
(Отъ собствен. корреспонд.).

Возникшіе «аграрные» безпорядки въ Вѣнѣ,
Парижѣ, Лондонѣ вызвали большой отливъ
золота за границу, преимущественно въ Рос-
сію, чѣмъ и объясняется ожидаемое повыше-
ніе курса ренты до 175.

Чепуха.

Съ чепухой жизнь пошла,
Вместѣ смѣхъ и слезы...
Въ февралѣ весна пришла,
Расцвѣтаютъ розы.

* *

Посадили въ баземать
Главнаго піюна...
Обожранія намъ солдатъ...
Любить всѣ Сталона...

* *

Риманъ съ Миномъ подрались,
Григмутъ секундантомъ...
У Фролова рудились
Шлора съ аксельбантомъ...

* *

А Суворина отца
Свахи полюбили...
Изъ Тифлиса вѣлютъ тонца
Камуру разбѣли...

* *

Отъ евреевъ моднеслы
Бергу благодарность...
Патачокъ въ казѣ намъ...
Всюду солидарность

* *

М Орлову латыши
Памятникъ открыли...
Эскимсы, чуваши
Депутатовъ скрыли...

* *

Генераловъ на Руси
Больше нѣтъ въ отставкѣ...
Покунателямъ «тегси»
Шепчутъ въ винной лавкѣ...

* *

Комаровъ газету Свѣтъ
Больше не читаетъ...
Если тютюкъ много лѣтъ
Очень звонко лаетъ...

* *

Въ министерствѣ митингъ былъ
Бурловъ—предсѣдатель...
Кладъ по морю повлилъ...
Слава—те, Создатель!

* *

Бомбу бросилъ адмиралъ
Нѣкій въ Бирилева...
Матюшенскій прибѣжалъ
Къ намъ, въ Россію снова...

* *

И въ сыскаемъ великій вой:
Кончено!.. Закрыли!..
Направлялся шпикъ домой,
Дворники избили.

* *

Инженеръ Перцовъ кричалъ
Въ союзъ измиченье...
Къ намъ вчера щенокъ прѣсталъ,
На хвостѣ таренье...

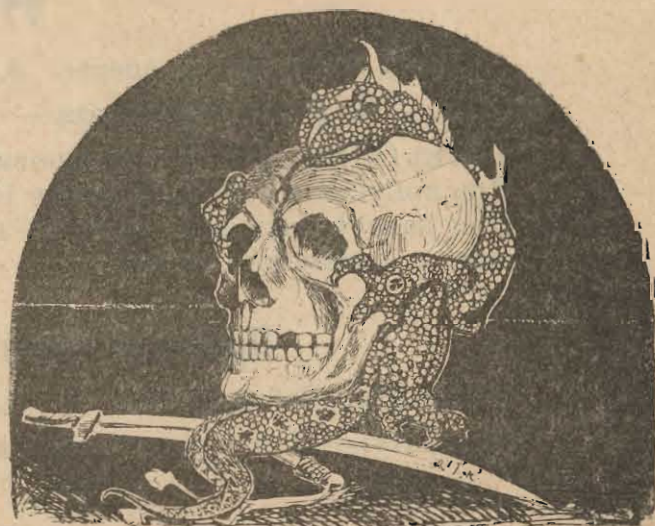
* *

Витте Англія сказалъ:
«Вамъ ссужу деньжонокъ»...
И съ смѣхомъ завизжалъ
Синій поросенокъ...

* *

Завтра рано, на зарѣ
Душа соберется...
Рядъ свиснуть на горѣ...
Чепуха смѣется.

Н. И. Д.

Что может быть

послѣ открытія „смерга“ гр. Витте!

Редакторъ-издатель Николай Данишевскій.

Еженедѣльный художественно-сатирическій Журналъ

„ПЧЕЛА“

Цена въ годъ съ перес. и доставкой въ
СПБ. — 4 р., въ провинціи — 5 р. Отдѣльн.
ном. въ СПБ. — 10 к., въ провинціи — 15 к.
При покупкѣ въ конторѣ свыше 10 экз. — скидка.
При заказѣ наложен. платеж. просьба прила-
гать $\frac{1}{3}$ стоимости заказа.

Объявленія—строка: предлж. труда—10 к.,
остальн. — 20 к. Редакторъ принимаетъ ежед-
невно отъ 10 до 12 дня. Заѣздующій контору
отъ 5 до 7 веч.

Пробный номеръ высылается за двѣ семикопеечныя марки.

Редакція: Забалканскій пр., д. № 20 кв. № 32.

Контора: тамъ же кв. № 31.

Литературный и художественный матеріалъ просить направлять въ редакцію съ указаніемъ желас-
маго гонорара. — Мелкія рукописи не возвращаются.

D262
R9

№ 3.

Цѣна въ СПБ. 10 к.
въ провинціи 15 к.

НЧЕМА

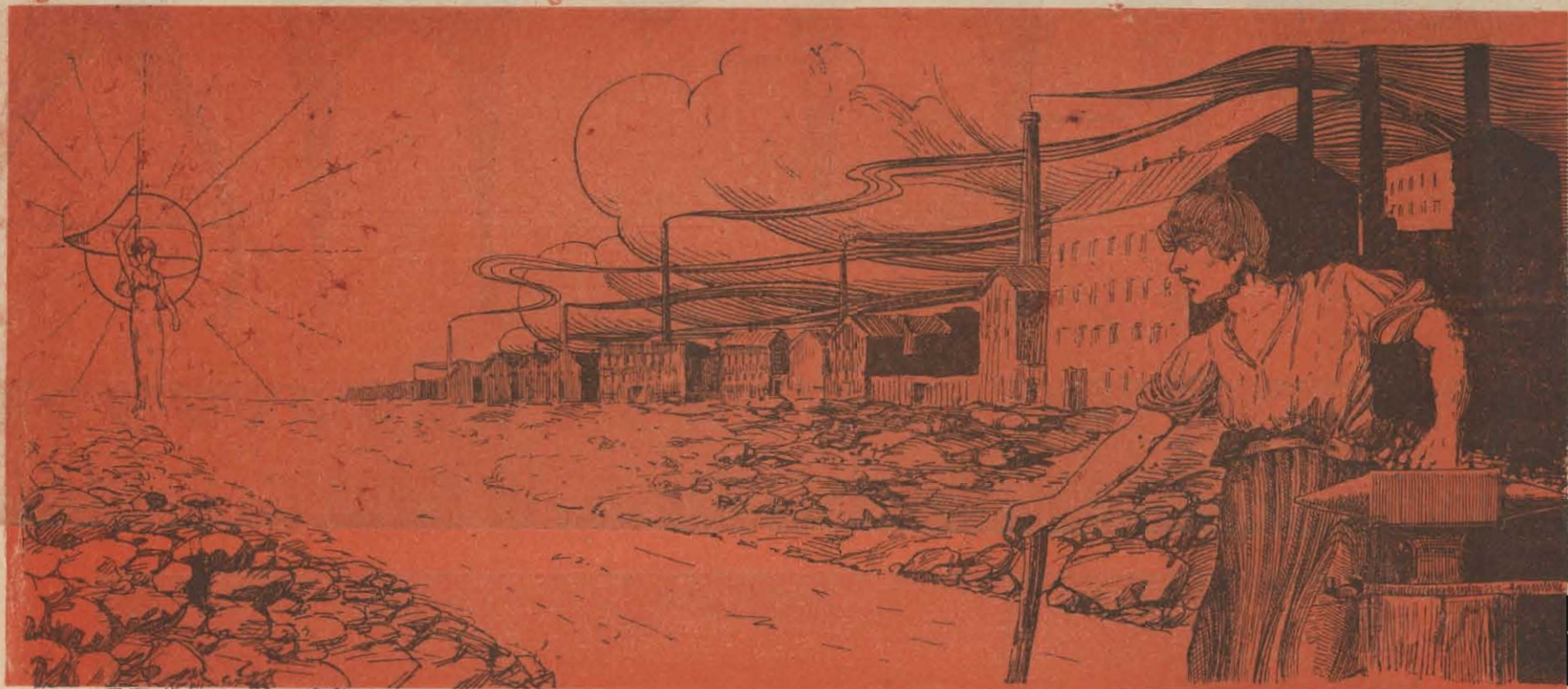
ГОДЪ

ХУДОЖЕСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

1906

Цѣна 10 коп

Будьте вы прокляты!

Сонь.

Безмолв! я стою одинъ посреди обширнаго поля; усталый отъ дневныхъ заботъ угрюмо засыпалъ великій міръ; густымъ чернымъ покровомъ окутала ночь утомленную землю; томительная зловѣщая тишина; ни звука: будто не заснулъ, а умеръ міръ. Тьма... Жутко...

Но вонъ тамъ, вдали, на горизонтѣ — почудилось мнѣ — вспыхнулъ какой-то огонекъ; вспыхнулъ, и опять — темно; еще разъ засвѣтился и погасъ; вспыхнулъ еще и еще... и освѣтилъ дрожащимъ слабымъ свѣтомъ небольшую полосу чернаго пространства.

Желанный огонекъ: тамъ — люди!

И мнѣ теперь не жутко: я не одинъ!

Я не хочу быть одинъ въ этой тьмѣ, въ этомъ пустынномъ полѣ... Мерцай же, огонекъ, и укажи дорогу къ людям!

Ни на минуту не отводя глазъ отъ привѣтливо мерцающаго огонька горючими шагами направился я къ нему, къ огоньку, къ людям.

Мнѣ тяжело идти по неровному полю: торчащій кое-гдѣ шиловникъ острыми иглами рветъ мою одежду, царапаетъ до крови гѣло; я то и дѣло спотыкаюсь, больно ударяясь ногами о большіе, острые булыжники. Но я не чувствую боли, усталости; я спѣшу; я боюсь: вотъ-вотъ потухнетъ вздрагивающій огонекъ, и опять — вокругъ могильная тьма, опять — одиночество...

Къ вѣмъ, къ людямъ стыскать во тьмѣ дорогу не буду въ силахъ я одинъ.

Кажется мнѣ уже, что огонекъ слабѣй мерцаетъ: я ускоряю шагъ, я, наконецъ, бѣгу... Падаю, встаю, бѣгу... А огонекъ все ближе, ближе... Немного пробывъ еще, и я — у огонька!.. На гдѣ-же онъ? Его не вижу я!

Гдѣ?! Потухъ... Ужели навсегда! Опять — одинъ... О, мѣтъ! Бѣгу впередъ: авось засвѣтитъ!

Бѣгу...

Съ разбѣга падаю въ глубокій ровъ... Разбился... Струится кровь... Я силюсь приподняться, хочу скорѣе выбраться изъ грязной и вонючей ямы; хочу, но не могу... Собрать остатки силъ я еле-еле поднимаюсь... Передо мной — стѣна... Высокая, холодная стѣна... Но гдѣ же огонекъ? Ужели — навсегда?!

Осторожными шагами пробираюсь вдоль стѣны... Окно... Рѣшетка... И онъ!.. Онъ — огонекъ!.. Я — счастливъ: я его нашелъ... А вотъ — и люди!.. Много тамъ людей...

Сквозь закопченное стекло, сквозь другаго жѣлѣзной рѣшетки я пристально гляжу... Маленькая лампочка безъ стекла, висѣщая подвѣшенная къ потолку, на уровнѣ окна, чуть свѣтитъ и чадитъ; какой-то желтый дымокъ стелется отъ нея; слабымъ, тусклымъ свѣтомъ она оближаетъ обившихся пугливо въ кучу людей тамъ, внизу, въ мрачномъ каменномъ подвалѣ. На камешкахъ расстрескавшихся плиткахъ лоснящихся отъ сырости пола лежатъ прекрасная юная дѣвушка; сѣрый широкій халатъ распахнулся; руки безпомощно раскинуты въ стороны; на блѣдомъ лицѣ — лангетомъ лихорадочный яркій румянецъ; густыя пряди черныхъ волосъ; большіе глаза подернуты намерзнувшей слезой; полуоткрытыя уста что-то шепчутъ... Но что говоритъ она?.. Я хочу слышать... Съ нечеловѣческими усилиями окровавленными руками я стараюсь сколько пружу въ старой ржавой рѣшеткѣ и ухомъ прижимаюсь къ стеклу... Тихо... Вздвинулась...

Я слышу: голосомъ умирающей она хочетъ дать ей только одинъ слотокъ воды, послѣдній слотокъ... Никто не шевелится...

У людей въ такихъ же, какъ я она, сѣ-

рыхъ широкихъ халатахъ на худыхъ рукахъ тяжелыя звенящія оковы... А стража, суровая стража у дверей — та не дастъ воды: что ей съ огрубѣлымъ сердцемъ страданія, молебны умирающей! Не первая и не послѣдняя!..

Предсмертныя хрипыя клокотанія въ горлѣ умирающей; еле внятное странное «за что?»

Хохотъ...

Цивичный, дьявольскій хохотъ стражи въ отвѣтъ на это «за что?» умирающаго въ страшныхъ мукахъ человѣка...

За это?.. И стража смѣялась: *здесь* никогда никто не спрашивалъ «за что?» Раскатиasto, неудержимо, весело смѣялась тюремщица...

Будьте вы прокляты! — со стономъ, скрежетомъ, вѣрчасъ въ предсмертныхъ судорогахъ прошептала умирающая.

Будьте вы прокляты! — слухъ повторилъ мрачные своды темницы.

Будьте вы прокляты! — негодующе крикнули слезаванные сѣрые люди.

Будьте вы прокляты! крикнулъ я.

Въ томительной тишинѣ гулко раздалось проклятіе, быстро во мракѣ темной ночи покатилося по полу далеко отъ этихъ холодныхъ стѣнъ, отъ все еще мерцающаго огонька.

И зачѣмъ, зачѣмъ я пришелъ сюда?! Зачѣмъ я нашелъ этого огонька? Зачѣмъ онъ свѣтитъ и издали манитъ къ себѣ? Погасни, прокляты й огонекъ! Лучше — тоскливое одиночество, лучше — вѣчная тьма... Дальше отъ такого огонька!.. Дальше!..

Я проснулся.

ICU

Да!.. Будьте вы прокляты!

Н. П. Д.

Размышленія.

Иногда бѣздить въ каретѣ — болѣе неудобно, чѣмъ въ галчѣ.

Витте по Гоголю.

Чуденъ Витте при тихой погодѣ, когда вольно и плавно строить онъ величавые планы свои. Не зашелохнется, не прогремѣтъ. Глядишь и не знаешь: идетъ или не идетъ впередъ лукавый. И чудится будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто проклятая змѣя безъ мѣры въ длину, безъ конца въ ширину рѣшетъ и вьется по зеленому міру.. Любо тогда и Суворину, и Грингмуту оглядѣться съ вышины и погрузить руки въ народныя деньги, и Гурьеву, и Шарапову, и Галону освѣтиться лучами злата.. Субсидіе-любивые! Они толпятся вмѣстѣ съ смѣшными къ кассамъ, и, наклонившись, глядятъ въ нихъ, и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ.. И улыбаются они Витте, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая главами.. Пылный! Нѣтъ премьера, равнаго ему въ мірѣ..

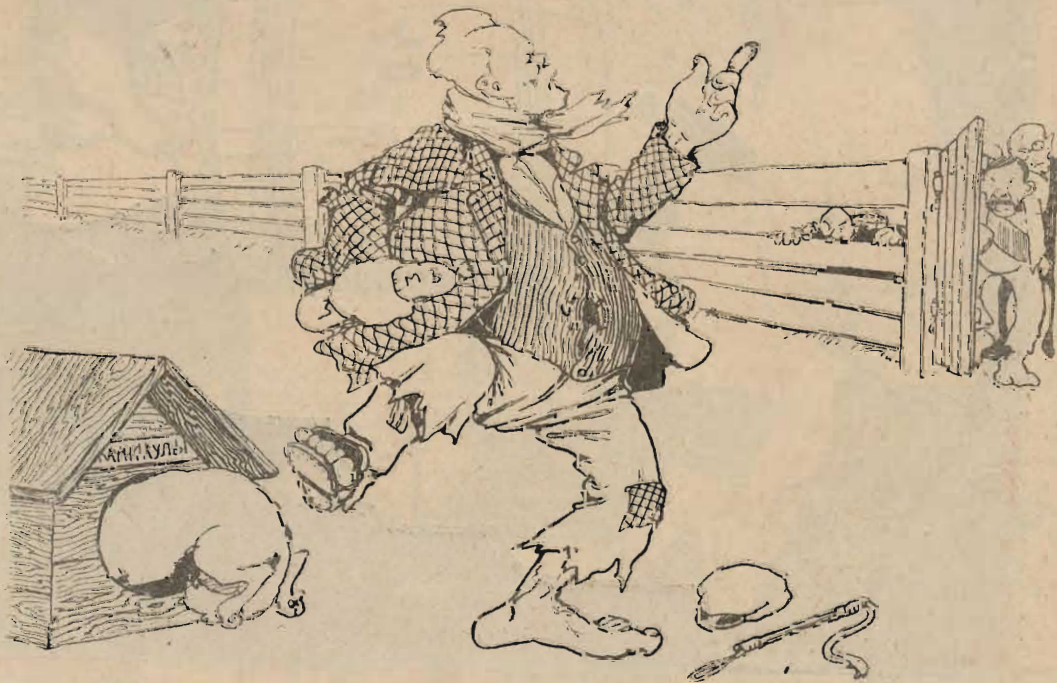
Чуденъ былъ Витте и во мракѣ эпохи Плеве, когда все спало, и граждане, и хулиганы, и вожди черной сотни, и Побѣдоносцевъ одинъ величаво сиралъ небо и землю, и величаво сотрясалъ ризу. Отъ ризы сыплются циркуляры; они одни горятъ и сжигаютъ надъ міромъ и всѣ разомъ отдаются въ руки Витте.. Всю Россію держалъ Витте въ темномъ лонѣ своемъ; ни одинъ человекъ не убѣжитъ отъ него — развѣ сгнѣтъ въ подземельяхъ Шлиссельбурга.. Черный Плеве, унизанный мрачными призраками Киппинева и плеве-владычествующій Побѣдоносцевъ напрасно схилялся при-крыть его длинной тѣнью своей.. Напрасно? Нѣтъ ничего въ мірѣ, что могло бы прикрыть Витте.. Хитрый, хитрый ходитъ онъ плавною поступью, и среди ночи, какъ среди дня, сидѣть за столѣмъ вдаль, за столѣмъ видѣть изъ земли человѣче око.. Нежась и прижима-

ясь то къ правымъ, то къ лѣвымъ, даетъ онъ по себѣ кровавую струю, и она вспыхиваетъ страшными злодѣяніями, а онъ въ сторонѣ и снова великъ.. Чуденъ и тогда Витте, и нѣтъ премьера, равнаго ему — въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія сучи, старый режимъ шатается до верья, враги народа обѣгутъ и молнія революции, изламываясь между гучъ, разомъ освѣтитъ весь міръ — страшнѣе тогда Витте! Пулеметы гремятъ, ударяя въ безоружныхъ; горятъ деревни и города, и свистятъ нагайки, избивая дѣтей и женщинъ, и банда палачей безудержно рветъ и мечетъ и заливаешь кровью несчастную страну..

Чуденъ и тогда Витте въ молусахалинсовой графской коровѣ своей.. Пылный! Нѣтъ премьера, равнаго ему въ мірѣ..

НЕ — БУКВА.

Не Баяна звонкой пѣсней
Гости тѣшились; въ народѣ
Ходить слухъ, что двѣ вороны
Пѣли сказку о свободѣ..
И смѣшна была та сказка..
Во весь ротъ смѣются пушки,
Ужъ прости имъ Богъ, смѣшны
Видно были тѣ старушки..
А за ними пулеметы
Наглымъ смѣхомъ закатились,
Захихикали нагайки,
Сабли смѣхомъ разразились..
Льется смѣхъ... Струю алой
Черезъ край на столѣ дубовый
Разлилось вино, а гости
Сказкой тѣшились ужъ новой..

М. А.

Новости!

!!!Свобода слова!!!

!!!Свобода слова!!!

!Безопасно!

Пріятно!

Удобно!

Полезно!

Необходимъ каждому свободному граж-
данину.

только что отпечатанный

Сборникъ Рѣчей

для произнесенія безъ всякихъ репрессій (ру-
чательство на годъ)

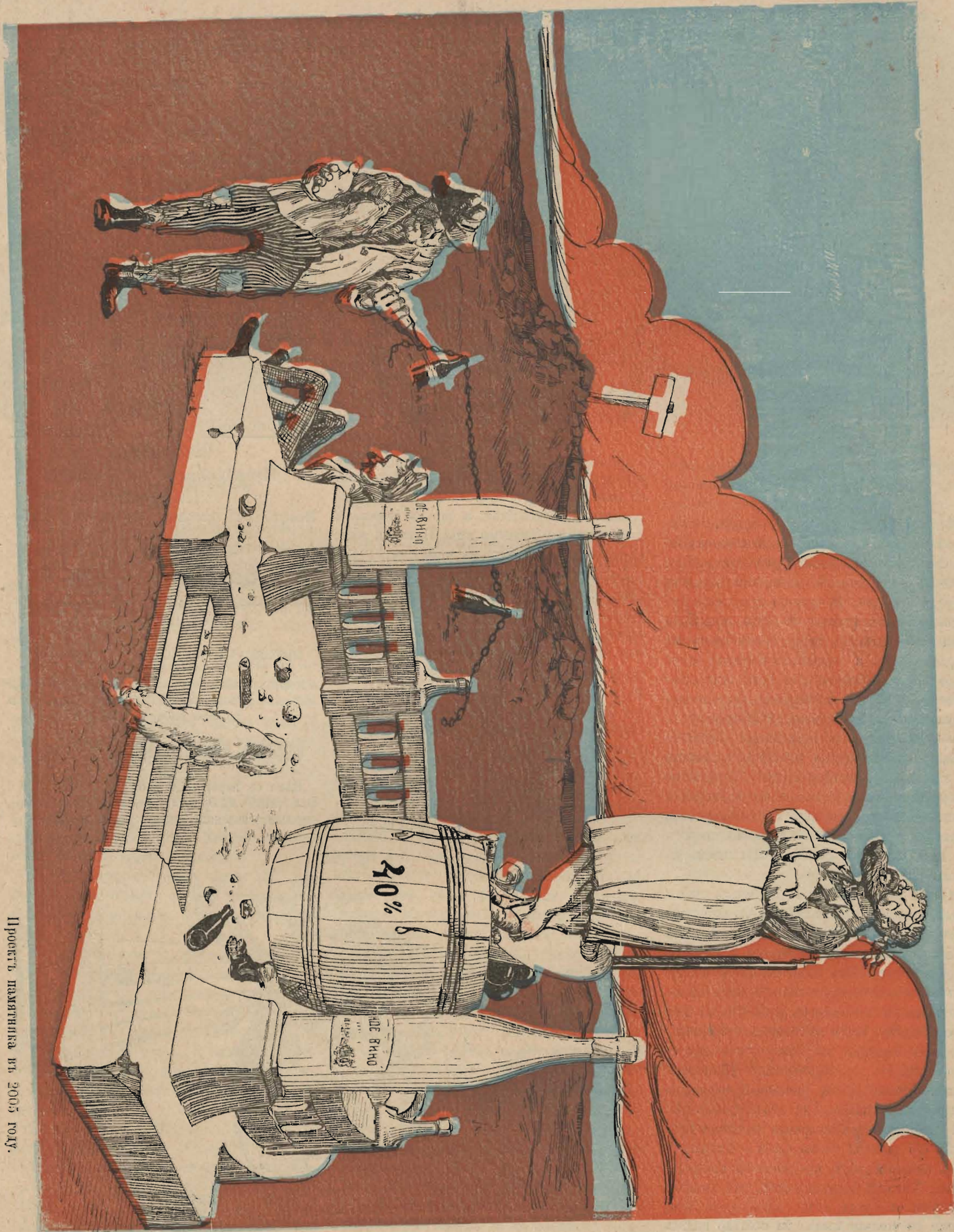
на

МИТИНГАХЪ, СОВРАНИЯХЪ БАНКЕТАХЪ.

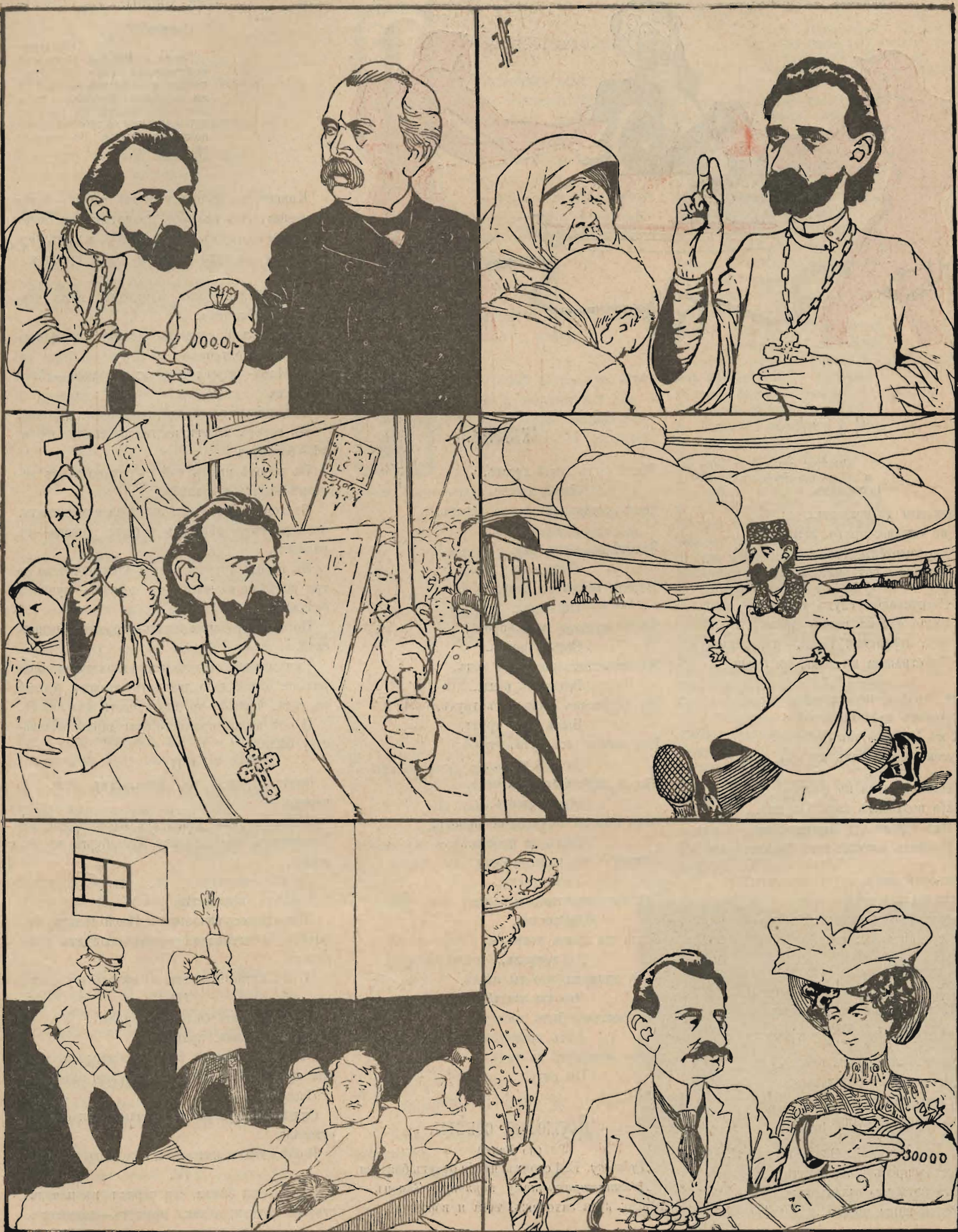
Въ составленіи сборника принимала участіе Ни-
кольскій, Воровычъ, Грингмутъ, Бергъ и ма-
др. подъ редакціей Трепова.

ОДОБРЕНЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВНУТР. ДѢЛЪ.

Цѣна съ перепл. 30 коп. (не бумажками)
Отпечатанъ на бумагахъ невыгорѣвшаго займа,
переплетъ изъ настоящей «кремльничей» кожи.

Проект памятника в 2005 году.

На томъ свѣтѣ.

Ч И Х Ъ!

Смотри: статьи въ «Руси»
и «Торгово-Промышл. газ.» о
слиткахъ.

Все поклены да поклены...
Какъ не стыдно, право, лгать!
Захотѣли недотѣпы
Намъ финансы подорвать.

* * *
Распускаютъ слухъ ужасный,
Будто слитки наши—дрянь.
Эхъ, лгунишки! Трудъ—напрасный:
Не страшна ни ложь, ни брань!

* * *
Слитки, правда, не приняли,
Лигатуры-жъ мало въ нихъ;
Намъ въ Парижѣ такъ сказали:
Въ русскихъ слиткахъ много... чихъ!

* * *
Наши слитки по фасону
Не подходятъ подъ Парижъ...
Ихъ свезли мы Мендельсону;
Принялъ слитки: есть барышъ!

* * *
Мендельсонъ нашъ другъ сердечный,
Онъ для насъ всегда и все:
Кредиторъ Россіи вѣчный...
Наши слитки онъ... таё...

* * *
Слитки очень одобряетъ,
Лигатуры въ нихъ чуть-чуть,
И за нихъ намъ обѣщаетъ
Съ займомъ... Кашель!.. Не вздохнуть!..

* * *
Нездоровы... кашель сильный:
Все намъ—трудно рассказать...
Денегъ есть запасъ обильный...
Можемъ всюду подзаять...

* * *
Только... чихъ!.. Опять мѣшается!..
Если спросъ у насъ затихъ,
Это вотъ что означаетъ:
Рента наша просто... Чихъ!

ХОЛЕВА.

СКАЗОЧКА.

Жилъ былъ лисій хвостъ,
Лисій хвостъ...
Былъ хитеръ онъ, а не простъ,
А не простъ...
Захотѣлось быть ему,
Быть ему
Передъ всѣми на виду,
На виду...
Чтобы славилъ весь народъ,
Весь народъ...
Его свѣтлость родъ изъ родъ,
Родъ изъ родъ...
Но напрасенъ былъ тотъ трудъ,
Былъ тотъ трудъ,
Его поняли всѣ тутъ,
Да всѣ тутъ...
Что за штука этотъ хвостъ.
Этотъ хвостъ,
Вѣдь народъ то былъ не простъ,
Былъ не простъ...
Обманулъ ты насъ, прости,
Ужъ прости...
Гдѣ ты росъ, тамъ и расти,
Да расти...
Наши ты права попраля,
Да попраля...
А съ природы, что ты взялъ,
Что ты взялъ?
Не пришлось быть хвосту,
Быть хвосту...
Предъ народомъ на виду,
На виду.

Дружескіе совѣты.

(по Далю)

Дубасову. Бей своихъ, чужіе будутъ бояться.
Административному порядку. Законъ —
дышло; куда захочешь, туда и воротись.

ДВѢ ВДОВЫ.

Сказки.

Изъ газетъ

Вдова адмирала Макарова,
получающая около 20.000 руб.
пенсіи и получившая 5.000 р.
на переѣздъ, просила о посо-
бій для поѣздки за границу
гдѣ строится судно имени ея
покойнаго мужа. Въ просьбѣ
ей отказано.

I.

Пришли къ начальству двѣ вдовы—бѣлая
и черная. Обѣ плакали, причитали: въ битвѣ
за отечество мужъ бѣлой погибъ, а мужъ чер-
ной ноги да руки лишился. Обѣ просили о
пособіи.

Мужъ бѣлой былъ адмиралъ; мужъ чер-
ной—барабанщикъ.

Мужа бѣлой слушали тысячи; мужа чер-
ной—одна полурота.

У бѣлой—взрослые дѣти; у черной—дѣтей
не было.

Бѣлая жила въ городѣ, черная—въ деревнѣ.
Въ городѣ ходятъ въ галошахъ, въ дерев-
нѣ—босикомъ.

Въ городѣ пьютъ чай съ сахаромъ, въ де-
ревнѣ—воду безъ хлѣба.

Въ городѣ ѣздятъ по таксѣ на извозчикахъ,
въ деревнѣ — пѣшкомъ ходятъ: лошади—въ
рѣдкость.

Въ городѣ горитъ всегда электричество по
три копейки въ часъ, въ деревнѣ—лучинка
бесплатно.

Потому городская жизнь—дороже деревен-
ской.

Смилостивилось начальство и разсудило пра-
вильно: бѣлой дало двадцать тысячъ рублей
въ годъ, черной—тридцать шесть цѣлковыхъ.

И обѣ вдовы премного благодарны началь-
ству были.

II.

Опять пришли къ начальству бѣлая и
черная.

Бѣлая хотѣла ѣхать изъ Кронштадта въ
Петербургъ, черная—изъ Петербурга въ де-
ревню.

Пособіе просили.

Плакали, причитали.

Поморщилось начальство: бѣлой только пять
тысячъ ассигновало, черной обождать при-
казало.

И обѣ вдовы благодарны начальству были.

III.

Пришли опять бѣлая и черная.

Опять плакали, причитали.

Бѣлая за границу ѣхать собиралася, чер-
ная прождалася, ѣхать въ деревню захотѣла.

Пособіе просили.

Сильно поморщилось начальство и обѣимъ
отказало.

И обѣ вдовы начальствомъ недовольны были

IV.

Больше ни бѣлая, ни черная къ началь-
ству не ходили; а какъ придутъ—напишемъ.

СРЕНО.

М. А.

Съумасшедшій.

Вы лечите меня совѣмъ напрасно:
Не боленъ я; по моему—вы больны!
Я разсуждаю откровенно, ясно,
Мои желанія и честны, и скромны.

Я не хочу, не надо мнѣ свободы,
Меня прошу не выпускать....
Вы, докторъ, тоже Виттовской породы,
Желаете бумажки приподнять!

Смѣтаетесь?!... Смѣйтесь, докторъ! Это—мода:
Циничный смѣхъ повсюду вмѣсто слезъ...
Страданья брата вашего—народа
Для васъ, любезный врачъ,—сплошной курьезъ!

Когда меня пустили на поруки—
Вы помните: залогъ я внесъ сполна—
Я говорилъ: издохли всѣ гадюки,
И произвола нѣтъ.... идетъ весна.

Тогда могъ даже графу довряться.
Но... докторъ, сколько лѣтъ я былъ въ тюрьмѣ!
Людей перезабылъ и ошибаться
Я могъ: не въ здоровомъ былъ тогда умѣ.

Меня тогда, дѣйствительно, лечили,
Я благодаренъ былъ своимъ врачамъ:
Меня немножко жизни подлѣчили...
Едва-ль понятно это, докторъ, вамъ?!

Вы вспомните, когда въ одной газетѣ
Я прочиталъ: освобождаютъ всѣхъ
Лишь потому, что въ золотой монетѣ
Нуждаются... Что это? Развѣ смѣхъ?

Свободой, совѣстью людской играетъ
На биржѣ вновь проклятый капиталъ!
Ну кто-жъ тверезый, докторъ, пожелаетъ
Свободнымъ быть для счастья мѣняль?

И я тогда сейчасъ же къ прокурору,
Прошу меня скорѣй арестовать:
Я не хочу подспорьемъ быть позору,
Своей свободой ренту повышать.

Когда то, докторъ, цѣпи проклиная
Я въ одиночьи время короталъ,
Дни долгіе тоскливо провожая,
Не о такой свободѣ я мечталъ!

Люблю я потому тюрьму, лишенья!
Цѣпей прошу! О какъ вы, докторъ, злы!
Мнѣ вмѣсто вашего микстурнаго лѣченья
Помогутъ ржавые скорѣе кандалы.

Мнѣ хорошо у васъ въ баракѣ,
Симу безропотно угрюмъ...
Люблю васъ, докторъ... вы во фракѣ
Въ очкахъ, имѣется душа и умъ...

Смѣтаетесь докторъ?!.. Все еще хотите
Моею жизнью рентѣ курсъ создать!
Тамъ нѣтъ же! Нѣтъ! Умрите!
„Эй, сторожа! Сюда!.. Связать!“

Русскій. Заграничный.

32

0

63

17²/₃

77

25

78

25³/₄

79

26¹/₂

80

26²/₃

212

100

Примѣчаніе.

точка замерзанія или
точка банкротства.

точка „предвыб. комп“.

точки

„не заемныя“.

точка „слабыхъ на-
дежд“.

въ нашемъ климатѣ
не бываетъ.

УДИВЛЕНІЕ.

Ко мнѣ пришелъ одинъ чулакъ

И вопрошаетъ:

„Ну какъ же это такъ?!

„Полиція ссылаетъ

„Редактора, представьте, безъ суда!

„И говорятъ, что даже на всегда!“

Вѣдь вотъ бывають преставни:

Не понимаютъ.

Какія, право, пустяки:

Редакторовъ десятками

ссылаютъ.

Вотъ если-бъ Дурново къ якутамъ

отправлялся,

Тогда-бъ я очень удивлялся.

МЕМЕНТО.

Вопросы и отвѣты.

— Какое сходство между Дурново и
Чичиковымъ.

— Любителю мертвыхъ душъ.

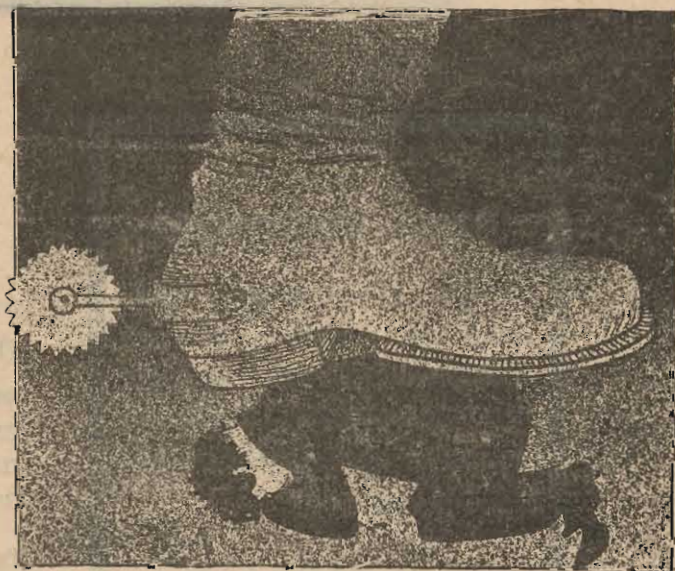
Лѣвша—правша.

Изъ газетъ:

Немѣшаевъ циркуляромъ
распорядился уволить студен-
товъ отъ службы на желѣз-
ныхъ дорогахъ и въ управле-
ніяхъ.

Какъ нынѣ трудно разобрать:
Тотъ—лѣвый, тотъ—правый...
Вотъ неудобно-ль указать,
Кто—Немѣшаевъ бравый.
Мнѣ говоритъ одинъ знатокъ
(Онъ въ этомъ понимаетъ):
Путейскій добрый нашъ божокъ
„Лѣвшею“ себя считаетъ.
Я что-то раньше не слыхалъ,
Что-бъ лѣвый съ страшнымъ жаромъ
Вдругъ по студентамъ пуделилъ
Не пулей—циркуляромъ.
Вотъ здѣсь то разница и есть:
Оружіемъ бумажнымъ
Лѣвша криволю хотеть сместъ.
Хвала „лѣвшамъ“ отважнымъ!
„Правша“—такъ тотъ сейчасъ-же штатъ
Иль просто ножикъ въ дѣло
Рѣзнетъ разокъ!.. Глядишь и брыкъ!..
Башка въ моментъ сметла!
И обижается народъ,
И оттого волненье,
Правша-то это не пойметъ.
Темно—сообразенье!
А „лѣвый“ нашъ въ умѣ силенъ
И потому рѣшаетъ
Всегда, вездѣ божьи законы...
Законы уважаешь!
А если нѣтъ законовъ тѣхъ
Которыхъ онъ желаетъ,
Не видя въ томъ себѣ помѣхъ,
Приказы сочиняетъ.
Зачѣмъ рѣзня, зачѣмъ разстрѣль?
Кровь пахнетъ очень скверно!
„Лѣвша“ иначе захотѣлъ
Бить далеко и вѣрно.
Безъ крови смерть онъ предприслалъ
Крамольникамъ свѣсивымъ:
Имъ голодовку объявилъ.
Люблю лѣвшею ретивыхъ!
Какъ просто, тихо, безъ хлопотъ
Умретъ студентъ-бѣдняга.
И небольшой совѣтъ расходъ:
Не дорога—бумага!
Вотъ это ловко угадалъ!
Пойдетъ теперь забава!
Не чая „правыхъ“ обогналъ!
Ему—путь-пу—слава!

ЛИПКО.

«Административный порядокъ» и редакторъ

Редакторъ-издатель Николай Данилевскій.

Еженедельный художественно-сатирический Журналъ „ПЧЕЛА“

Отъ Редакціи

Съ душевнымъ при-
скорбіемъ сообщаемъ, по
независящимъ отъ редакціи
обстоятельствамъ „Обзоръ за
недѣлю“ не можетъ быть
напечатанъ.

Цѣна въ годъ съ перес. и доставкой
въ СПБ. — 4 р., въ провинціи — 5 р.
Отдѣльн. ном. въ СПБ. — 10 к., въ про-
винціи — 15 к. При покупкѣ въ конторѣ
свыше 10 экз. — скидка. При заказѣ наложен.
платеж. просьба прилагать $\frac{1}{3}$ стоимости
заказа.

Объявленія — строки
предлож. гряда — 10 к.,
остальн. — 20 к. Редак-
торъ принимаетъ ежед-
невно отъ 10 до 12 дня.
Завѣдующій конторою
отъ 5 до 7 веч.

Пробный номеръ высылается за двѣ семи коп. марки.
Редакція: Забалканскій пр., д. № 20 кв. № 32. Контора: тамъ же кв. № 34. Лите-
ратурный и художественный матеріалъ проситъ направлять въ редакцію съ указаніемъ
желаемаго гонорара. — Мелкія рукописи не возвращаются.

D262
.R9

№ 4.

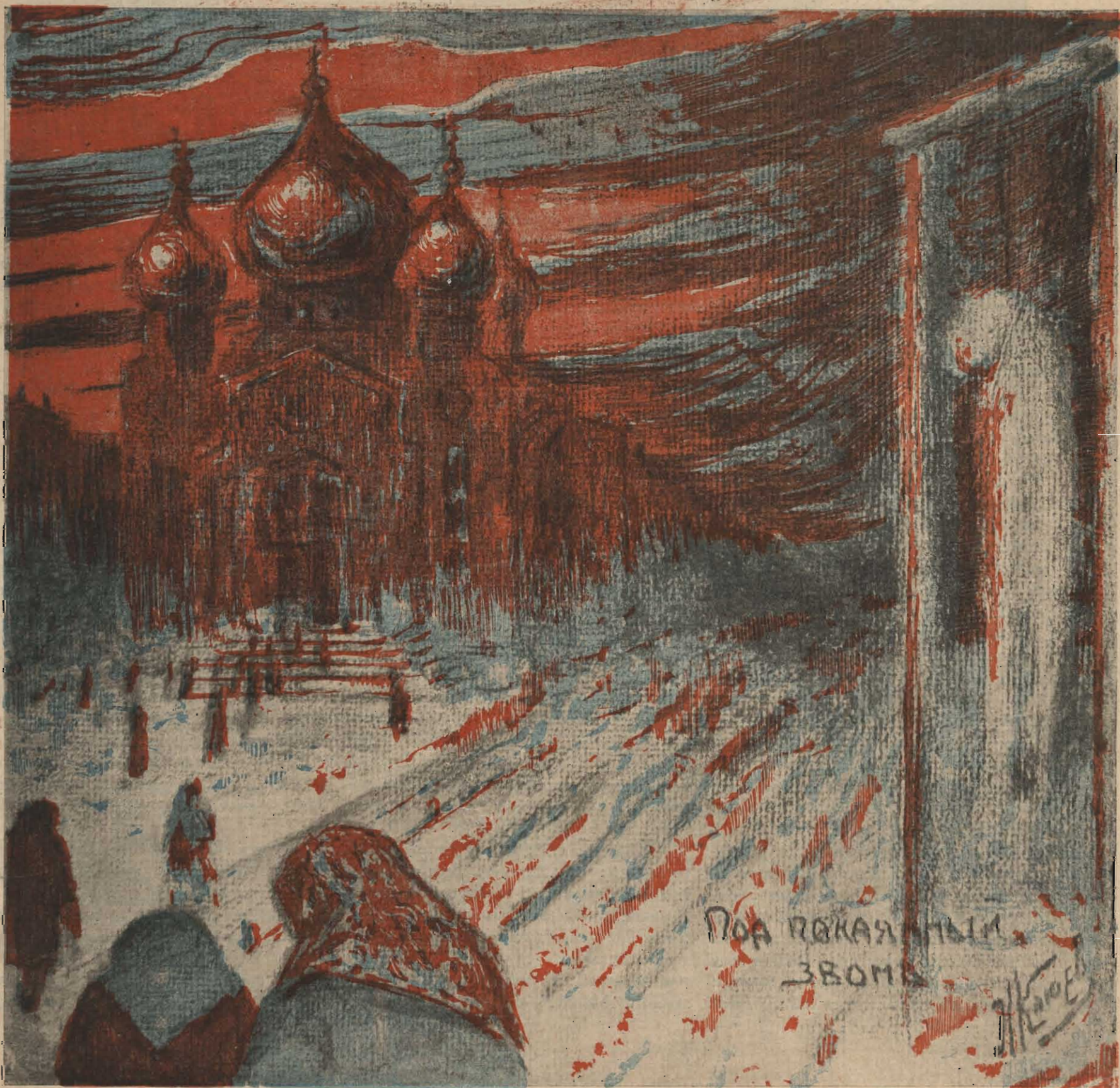
Цѣна въ СПБ. 10 коп.
въ провинціи 15 коп.

НЧЕНА

ГОДЪ I

ХУДОЖЕСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

1906

Спасите!

Переводъ съ турецкаго.

Бумъ, бумъ, бумъ... — надтреснуто прогудѣлъ станціонный колоколь... Протяжный, дребезжащій свистокъ прокатился по платформѣ... Густымъ баскомъ сердито, коротко откликнулся паровозъ... Дребезжащій свистокъ пискливо свистнулъ и оборвался... Мощно загудѣлъ большой гудокъ паровоза, со злобой выбрасывая большіе клубы пара... Качнуло... Поѣздъ пошелъ...

Въ окно вагона, на которомъ дѣдушка-морозъ, ударившись въ декаденщину, старательно вывелъ затѣйливыя лапки и рогульки, заглянулъ съ высокой платформы большой одноглазый фанарь, заглянулъ еще одинъ, еще и еще, забѣгали будочные и стрѣлочные фонарики, мелькнулъ красный глазъ семафора, и поѣздъ уже далеко отъ станціи, въ полѣ...

Въ четырехмѣстномъ купе второго класса — двое: держиморда и политическая... Полу-мракъ... Короткая свѣча въ фанарѣ мигаетъ. Зеленая занавѣска у фанаря позвякивая колечками быстро раскачивается изъ стороны въ сторону и, подвигаясь по палочкѣ, вдоль фанаря, закрываетъ и безъ того слабый свѣтъ свѣчи... Въ купе удушливый запахъ: водка, табакъ, медикаменты...

Изрядно выпившій держиморда съ раскраснѣвшимся потнымъ лицомъ пріютился въ углу купе, какъ разъ у изголовья „политической“ Медленно пуская колечки табачнаго дыма держиморда тупо глядитъ мутными, пьяными глазами на красивое, блѣдное лицо дѣвушки. Дѣвушка какъ будто въ забытѣ: она лежитъ недвижимо; только пальцы лѣвой

руки, свѣсившейся до полу, порою нервно шевелятся; кисть правой руки небрежно обмотана тряпкой, а на тряпкѣ — крупныя, красныя пятнышки; на лицѣ — ссадины, кровоподтеки; правый глазъ забинтованъ... Да!.. Били жестоко, много, били до безпамятства, свалили въ грязный снѣгъ и безпомощную, еле живую топтали ногами, ударяли ножами... Платье изорвано, грудь обнажилась... «Атласная юная грудь!» — Держиморда откашливается, молодцовато надвигаетъ фуражку на-бекрень, встряхиваетъ красивыми аксельбантами, наклоняется и, опираясь граціозно на эфесъ сабли, пристально всматривается въ израненное лицо дѣвушки... „А красива!.. Хороша и, главное, свѣжа... И поѣздъ такъ сильно гроыхаетъ: ничего не слышно, о чемъ говорятъ тѣ трое тамъ, въ корридорѣ вагона... А любопытно-бы... оригинально... А?! Попытка — не пытка, спросъ — не бѣда!..»

— „Не хотите-ли чего?“ — вкрадчиво слащаво бормочетъ держиморда, нагибаясь еще ближе къ лежащей безъ движенія дѣвушкѣ; его пьяные глаза покрываются блестящимъ маслянымъ налетомъ. — „Я готовъ служить... Ну, скажите!.. И прикажу: одну рюмку хорошаго финь-шампань; это васъ подкрѣпитъ... Сударыня!“...

Молчаніе...

— „Бросьте, сударыня, предрасудки... Не гнушайтесь: не хотите отъ меня принять... Помилосердствуйте!.. Я-то вѣдь тоже *человѣкъ*... Поймите!..“ — Держиморда нагибается еще ближе; его пьяное дыханіе больно обжигаетъ лицо страдальцы. — „Сударыня!.. Поймите, я тоже *человѣкъ*... я умѣю чувствовать, даже любить... Поймите!“ — задыхаясь шепчетъ дер-

жиморда, порывисто наклоняется и влажными толстыми губами прижимается къ горячему лицу обезсилѣвшей отъ пытокъ и страданій женщины... Глазъ женщины поворачивается въ сторону „человѣка“ и строго смотритъ на него... А „человѣкъ“ прижимается противными губами еще и еще... Цѣлуетъ... Быстро пересаживается къ ней рядомъ на скамейку, дрожащими руками обхватываетъ за талію... Начинается борьба... Ужасныя, отвратительныя минуты.

Безсвязныя слова „человѣка“!.. Человѣка-ли?! Животное, а не человѣкъ!.. Мразь!.. Горькія всхлипыванія изнемогающей женщины... „Спасите!“ — раздается изступленный возгласъ... Спасите!.. Спасите!..

Держиморда испуганно отскакиваетъ къ дверямъ, въ глазахъ его — злоба, страсть... Дѣвушка освободившаяся отъ цѣпкихъ лапъ „человѣка“, упираясь лѣвой рукой въ косякъ окна, съ трудомъ приподнимается съ дивана... „Спасите!“ — кричитъ она.

Завизжала, пріоткрылась дверь; изумленные лица... „Молчать!.. Успокойте ее!“ — виѣ себя отъ ярости кричитъ безумный держиморда...

Удары ножами... Подсечины... Каблуки... Рыданія... Глухія рыданія... Стоны... Спасите!.. Спасите!.. Спасите!..

Загудѣлъ... Убавилъ ходъ... Замелькали фонарики... Толкнуло на крестовинѣ... Поѣздъ свистнулъ, остановился...

А «спасите», безсильное, изступленное «спасите» не остановилось; оно безъ отдыха понеслось впередъ, понеслось въ деревни, села, города, столицы, понеслось... эхомъ на тысячу ладовъ повторили деревни, села, города, сто-

лицы это страшное «спасите», вырвавшееся из слабой, женской груди... Отъ этого тысячеголосаго крика стономъ застонала матушка-земля...

— «Спасите!» — кричатъ совѣсть, честь, умъ, сердце, захватанные грязными, грубыми руками и придавленные тяжелыми, большими каблуками...

Земля вопіетъ небу...

Небо хмурится...

Спасите!.....

Н. И. Д.

Динь-донъ.

Я стоялъ на высокомъ курганѣ,
И раздался вдругъ звонъ;
Прогудѣлъ и расплылся въ туманѣ...
Динь-донъ!..

* * *

И я видѣлъ гробы за гробами,
(То не бредъ, то не сонъ!)
Пронесли съ нѣмыми слезами...
Динь-донъ!..

* * *

И напѣвъ погребальный въ туманѣ
Разносился какъ стонъ...
Я безмолвно стоялъ на курганѣ...
Динь-донъ!..

* * *

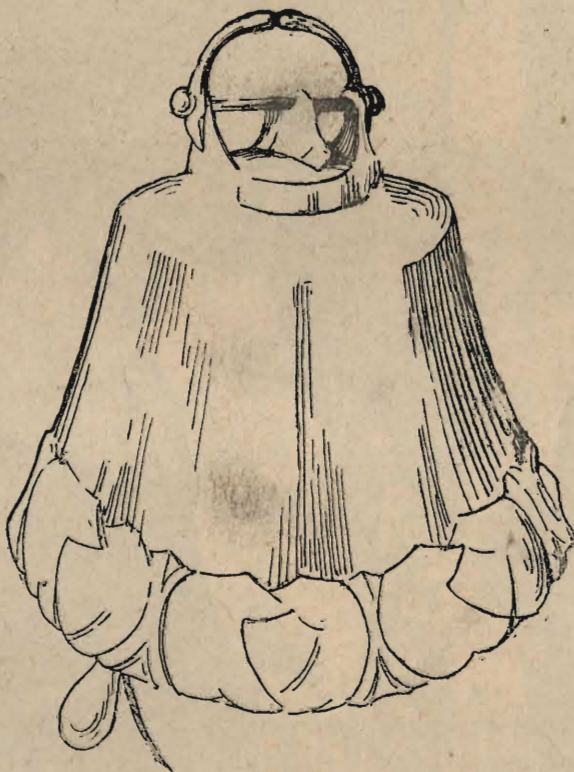
О замолкните звуки печали!..
Громче, громче все звонъ...
Душитъ... Кровь... А они не рыдали...
Динь-донъ!..

Весна.

Ты придешь ли, прекрасная, чистая,
Ты придешь ли весна къ намъ душистая?
И звучить мнѣ отвѣтъ:
«Не приду я, нѣтъ, нѣтъ!»
«Тамъ, гдѣ кровь и страданья и слезы,
Я-ль разсыплю фіалки и розы...
Скорбный слышенъ отвѣтъ...
«Не приду я, нѣтъ, нѣтъ!»!..

М. А.

М. А.

Изъ подслушанныхъ разговоровъ.

— Нешто это — въ законѣ?! Безобразіе одно выходитъ... Жидовъ, нехристей въ святое мѣсто пущать!.. Опоганять вѣдь... Сейчасъ вотъ имъ въ Думу русскую православную дозволяютъ... Нешто это порядокъ?.. Вѣдь вонъ туды, къ примѣру скажемъ, поповъ набираютъ... А попу зачѣмъ?.. Извѣстно—зачѣмъ... Служить... Служить, и тутъ же—жиды... Мнѣ анадѣсь хорошій такой баринъ пояснялъ: я, говоритъ, хоша и демократъ, а все же православный и вполнѣ указываю, что надъ Думой этой самой *крестъ поставить* надо... Сразу видать: человекъ истинный, православный... Потому правильно: гдѣ—попы, тамъ—кресты... *Крестъ поставить* и вдругъ... жиды?! Нешто это порядокъ... Ты, братъ, вникни!.. Обмозгуй!..

CREDO.

Тѣнь Плева.

Забыты прежнія старанья,
Никто добромъ не помянетъ,
За трудъ, за добрыя желанья
Все объявили мнѣ бойкотъ.

Никто не зналъ моихъ стремлений,
Никто меня не понималъ,
Межъ тѣмъ, системою стѣснений
Я революцію создалъ.

Я разжигалъ протеста пламя,
Я поднималъ на борьбу народъ,
Ихъ смѣлость и свободы знамя—
Моихъ трудовъ посильныхъ плодъ.

Я—крайнихъ партій вдохновитель,
Единый въ мірѣ семъ примѣръ:
Я—убѣжденный охранитель
И вмѣстѣ—пламенный эс-эрь!

И еслибъ бомбой эсерійской
Я не былъ взорванъ—(о моментъ!)—
Клянусь, республики Россійской
Я былъ-бы лучший президентъ!..

ВЛ. ЛЕНСКИЙ.

Отъ собственного корреспондента.

— Околодочный надзиратель Стародубцевъ, розыскавшій долго скрывавшихся главныхъ виновниковъ трагической смерти уважаемой Крысоловки, принадлежавшей инженеру *д. ст. сов.* Яковлеву, (см. Бирж. Вѣд.—8 М.), командированъ въ Москву по дѣлу ограбленія банка, куда и отбылъ сегодня съ курьерскимъ поѣздомъ. Большая толпа народа провожала талантливаго администратора; г. Стародубцевъ, отвѣчая на прочувствованныя рѣчи провожающихъ, упоминалъ о терпѣнн, по слухамъ, болѣе трехъ разъ. Поѣздъ отошелъ при громкихъ несмолкаемыхъ крикахъ «ура».

— Выдержитъ ли онъ, если взвалитъ на него еще два мѣшка?
— Ничего... выдержитъ!... Теперь у него есть на что опереться...

Засѣданіе П. П. П.

Новый «финансовый» проектъ.

«Русскій Буттербродъ» хвалитъ «почтеннаго» профессора Мигулина за его проектъ спасенія Россіи при помощи десятирублевого лоттерейнаго билета, а, по моему, не за что: ну кто станетъ покупать десятирублевый билетъ?—только тотъ, у кого есть десять рублей, а такихъ на Руси—мало.

Нѣтъ, ужъ если спасать—такъ спасать, если грабить—такъ грабить!

Я предлагаю другой способъ «спасенія», болѣе дѣйствительный и убомачительный: выпустить *на одинъ только годъ* двѣсти милліардовъ безпроцентныхъ выигрышныхъ билетовъ цѣною *по одному только рублю*; такіе билеты можно продавать не только въ Государственномъ Банкѣ, его отдѣленіяхъ и конторахъ, но также и въ винныхъ и въ табачныхъ лавочкахъ, трактирахъ, кафе-шантанахъ и т. п. *Каждый день, не исключая даже двенадцатыхъ праздниковъ*, долженъ быть тиражъ выигрышей въ такомъ количествѣ: 6000 по 100 руб., 400 по 250 руб., 200 по 500 руб., 100 по 1000 руб., 10 по 10000 руб.—всего ежедневно 6710 выигрышей (въ годъ 2449150) на сумму одинъ милліонъ рублей (въ годъ 365000000).

Каждый выигравшій билетъ погашается; по истеченіи года *всѣ* оставшіеся билеты погашаются безъ выкупа.

Преимущество моего проекта: чистый доходъ—*сто девяносто девять милліардовъ* рублей.

За такія деньги можно: 1) выкупить всю частно-владѣльческую землю въ среднемъ рублей по триста за десятину (около 30 милліардовъ рублей)—помѣщики въ ножки поклонятся! Землю отдать крестьянамъ, и они успокоятся,

2) остальные деньги дать по 3% нѣмцамъ, французамъ и другимъ нехристямъ; это дастъ въ годъ около 5 милліардовъ дохода, слѣдовательно—на долгій срокъ можно упразднить

всѣ рѣшительно статьи дохода и даже увеличить расходы (на жалованье высшимъ чинамъ, усиленные пенсіи, пособія на переѣзды съ квартиры на квартиру и т. п.). 3) Государственную Думу не созывать: для чего она, если денегъ куры не клюютъ?

Зачѣмъ безсомнѣнно будетъ имѣть грандіозный успѣхъ; подумайте только—*за какой-нибудь рубль* (стоящій только 60 коп.) *можно волноваться цѣлый годъ, изо дня въ день, безъ передышки!* Всякій на это кинется!

ГУГУЛИНЪ.

* * *

Я въ храмъ вошелъ... могучій хоръ звенѣлъ,
Сіяли свѣчи, фиміамъ курился...
Въ одеждахъ свѣтлыхъ радостный народъ,
Колѣни преклонивъ, предъ алтаремъ молился...
И звуки свѣтлые то гаснули въ дали,
То, какъ волна, по храму разливались...
Великаго завѣты въ той странѣ—
Свобода и любовь народомъ воспѣвались...

* * *

Я въ храмъ вошелъ... Уныло хоръ звучалъ,
Мерцали свѣчи трепетнымъ сіяньемъ...
Въ убогомъ рубищѣ несчастные рабы
Храмъ оглашали жалобнымъ рыданьемъ...
И звуки скорбные то плакали въ дали,
То, какъ волна, по храму разливались...
Великаго завѣты въ той странѣ
Безумцами при смѣхѣ попирались...

М. А.

Старый мотивъ съ новыми словами.

Ахъ, да пускай свѣтъ осуждаетъ,
Ахъ, да пускай кланетъ «Молва»!—
Кто былъ премьеръ-министромъ—знаетъ,
Что обѣщанья—лишь слова.
Въ началѣ было только слово—
Такъ учить насъ законъ святой.
Я всей душою вѣрю въ «Слово»
И только слово—лозунгъ мой.
Взять хоть-бы слово—просвѣщеніе:
Его прекрасный корень «Свѣтъ»—
Душѣ отрада и спасенье
Отъ казней, горестей и бѣдъ.
Онъ къ новой эрѣ непримѣрной
Ведетъ насъ вѣрно, и, ей-ей,—
Жить «Новымъ Временемъ» не скверно,
Лишь проникайтесь имъ сильнѣй!
Признаться, и меня пугало
Вступленіе на «Новый Путь»,
Но страшно было лишь «Начало»,
Теперь ужъ легче дышатьъ грудь.
Мы не щадили для отчизны,
Хоть было жутко намъ порой,
Ни «Нашихъ Дней», ни «Нашей Жизни»,
Чтобъ «Новой Жизни» дать покой.
Но жить въ спокойствіи счастливомъ
Еще мѣшалъ «Набата» громъ,
Стараньемъ нашимъ—лишь «Призывомъ»
Онъ сталъ и смолкъ совсѣмъ потомъ.
Скажу по правдѣ, безъ фиглярства:
Спокойнѣй тамъ, гдѣ все мертво.
Я чтить «Народное Хозяйство»,
Но все-же лучше безъ него.
Мнѣ отъ него бывало скверно,
Порой томили страхъ и сипинъ—
И съ нимъ я умеръ-бы навѣрно,
Какъ всякій мелкій «Гласданинъ».
Такъ все разсѣется мгновенно,
Лишь дѣйствуй твердо и не трусь!
«Страна» затихнетъ непремѣнно,
Заснетъ въ покоѣ сладкомъ «Русь»!
Кто умеръ—жить не будетъ дважды,
Всѣмъ крикунамъ—конецъ одинъ,
И намъ спасибо скажетъ каждый
«Отечества» любезный «Сынъ»!..

ВЛ. ЛЕНСКІЙ.

Мукденъ, Портсмутъ, Цусима
Москва, Кавказъ, Литва...
Отъ сгнившаго режима
Какого ждать добра?

Н.

Дѣтскія игры

и слѣдующаго времени.

Въ конституцію. Дѣти садятся въ кружокъ и объявляютъ конституцію. Начинаютъ палить изъ пушекъ и всѣхъ порютъ плетями. Послѣ этого убитыхъ по начамъ хоронятъ, раненыхъ увозятъ въ больницы, а остальныхъ сажаютъ въ тюрьму. Конституція ковшена. Дѣти шумно принимаютъ присягу и весело поютъ народный гимнъ.

Въ Гапона. Въ игрѣ принимаютъ участие только дѣти, умѣющие ясно произносить «папа», «мама», «товарищъ» «соціализмъ» и т. п. Мальчикъ, выбранный въ Гапоны, идетъ въ охранное отдѣленіе беретъ много денегъ и клянется усердно служить и замѣнить Зубатова. Дѣти строятся рядами и безъ оружія идутъ подъ разстрѣлъ. Гапонъ составляетъ списокъ подлежащихъ заключенію и съ на-осомъ уѣзжаетъ играть въ рулетку. Дѣти оживленно строятъ смуту. Гапонъ пріѣзжаетъ, идетъ въ охранное, беретъ снова много денегъ, надѣляетъ Матюшенскаго и ужинаетъ у Кюба. Мальчикъ, выбранный въ Петровы говоритъ: стыдно. Всѣ набрасываются на него и стараются ударить подъ мышки.

Въ Дубасова. Мальчикъ, назначенный Дубасовымъ, одѣваетъ адмиральскую форму, взлѣзаетъ на колокольню и, заливаясь радостнымъ смѣхомъ, стрѣляетъ во всѣ стороны. Дома рушатся, окружающіе падаютъ на землю.

Въ займы. Дѣти разлѣзаются въ разные города: Парижъ, Берлинъ, Лондонъ и др. Мальчикъ, выбранный министромъ, беретъ въ руки пустой портфель съ надписью финансы, дѣлаетъ радостную мину и обязываетъ разлѣзавшихся дѣтей. Подходя къ каждому онъ говоритъ: дай. Игралъ отвѣчаютъ: Не прогнѣвайтесь! Богъ дастъ...

Въ свободу печати. Дѣти садятся въ кружокъ, платятъ по 10.000 залога и садятся

въ тюрьму. Всѣ углы, изображающіе типографію, съ пѣснями заколачиваются досками. Покупаютъ на 9.000 рублей буттербродовъ, нанимаютъ двухъ дворниковъ и начинаютъ издавать официальную газету. Всѣ смѣются. Многие плачутъ.

НЕ—БУКВА.

Свободное слово.

I.

«Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ челоуѣчества знамя...
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь
Свободное слово!..»

II.

О, чудо изъ Божьихъ чудесъ!..
Потушено честное пламя..
Громъ божій несется съ небесъ..
Низвергнуто истины знамя..
Дозволено только лишь ложь,
Цензура свирѣпствуетъ снова;
Ты въ тюрьмы, ты въ крѣпость ведешь
Свободное слово!..

В. ИЛ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Голодь... Долгое терпѣнье..
Нищенскій надѣлъ..
Кровь... Насилье... Опьяненье..
Плети и разстрѣлъ..
Залип... Толпа... Убитыхъ тѣни..
Муки безъ конца..
Рядъ безмѣрныхъ преступленій
Важнаго лица..
Стоны... Ужасъ... Боль и слезы..
Нищаго сума..
И нагайки... И угрозы..
И тюрьма, тюрьма...

НЕ—БУКВА.

Крестопоклонная недѣля...

Тихій заунывный перезвонъ... Плакучіе мотивы...

Храмы переполнены молящимися...

Горячая молитва, суровый постъ, добрые дѣла...

У образовъ—сотни свѣчей...

Ровный, спокойный голосъ пастыря...

Преклонивъ колѣна кающіеся тихо внимаютъ словамъ своего пастыря...

«И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникамъ нашимъ»... «Не убій!»... «Возлюби ближняго»...

Накорми голоднаго... помоги больному... навѣсти заточеннаго въ темницу...

Великіе завіты!..

Мнѣ чудится свѣтлый ликъ Христа!..

Я счастливъ...

Я жить хочу...

Крестопоклонная недѣля...

Лязгъ кандаловъ... Нѣтъ разрѣшенія на посѣщеніе...

Голодные... Неблагодѣльный не можетъ накормить... нѣтъ разрѣшенія... Столовыя закрываютъ...

Больницы переполнены... Дѣти мрутъ...

Сквозь стоны обездоленныхъ—изрѣдка короткое «пли»... Сухой трескъ... Кровь... Безформенная масса...

Презирай!.. Не щади!..

Не корми голодныхъ!.. Не посѣщай заключенныхъ!..

Гдѣ «завіты»?

Здѣсь нѣтъ Христа!..

Мрачно...

Задыхаюсь...

Я жить не хочу...

СРЕДО.

Златокудрая дѣва, иди же скорѣй!..

Мы тебѣ путь убрали цвѣтами...

Слышишь: пѣсни звучатъ веселѣй, веселѣй,

Мы пируемъ. Пируй и ты съ нами!..

Но смущается дѣва: страшны ей цвѣты...

Луки крови... а въ даль убогаютъ

Все холмы да холмы, все кресты да кресты,

И сироты надъ ними рыдаютъ...

М. Б.

Редакторъ-издатель Николай Данишевскій.

Еженедельный художественно-сатирический журналъ

„ПЧЕЛА“

Цена въ годъ съ перес. и доставкой въ С.П.Б. — 4 р., въ провинціи — 5 р. Отдѣльн. ном. въ С.П.Б. — 10 к., въ провинціи — 15 к. При покупкѣ въ конторѣ свыше 10 экз. — скидка. При заказѣ наложен. платеж. просьба прилагать $\frac{1}{3}$ стоимости заказа.

Объявленія — строка: предпоз. труда — 10 к., остальн. — 20 к. Редакторъ принимаетъ Суб., Пон., Вт. отъ 10 до 12 дня. Завѣдующій конторою отъ 5 до 7 веч.

Пробный номеръ высылается за двѣ семи коп. марки.

Редакція: Забалканскій пр., д. № 20 кв. № 32. Контора: тамъ же кв. № 31. Литературный матеріалъ просить направлять въ редакцію съ указаніемъ желаемого гонорара. — Мелкія рукописи не возвращаются.

№ 5.

Цена въ СПб. 10 коп.
въ провинціи 15 коп.

ГОДЪ

ХУДОЖЕСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

1906

Сонъ Графа.

(Фантазія).

... На издніе „Русск. Госуд.“ ассигновано 700 тыс. рубл. Сюда входят и расходы на чай и бутерброды для сотрудников“.

Изъ газетъ.

„Сегодня въ „Русск. Госуд.“ 5 столбцовъ заняты опроверженіями“.

Изъ газетъ.

...Въ ту страшную ночь графу приснилось, будто онъ стоитъ одинъ въ громадной пустыни. Кругомъ — ни души. На землѣ въ безпорядкѣ валяются тысячи труповъ и странно какъ-то усмѣхающіеся черепа.

И въ томъ одиночествѣ графу и жутко и пріятно, чувствуется гордое величіе: на умъ ему приходитъ и уста нашептываютъ: „Достигъ я высшей власти... Шестой ужъ мѣсяцъ царствую спокойно“... какъ вдругъ всѣ эти трупы зашевелились, встали, безпорядочно задвигались, черепа и кости закружились въ бѣшеной пляскѣ, оглашая воздухъ дикимъ, злораднымъ хохотомъ... И откуда-то появились живые люди — большіе и маленькіе, окружили графа и, тыкая въ него длинными, костлявыми пальцами рукъ, показывали графу странные, разноцвѣтные языки и грубо надъ нимъ издѣвались. Графъ въ безграничномъ возмущеніи силится уйти подальше, отстранить отъ себя назойливыя руки, но длинные языки достигаютъ его и, какъ кажется, вотъ-вотъ обхватятъ его и проглотятъ... И вдругъ языки эти развора-

чиваются въ большіе разноцвѣтные флаги, назойливо рѣжущіе графу глаза. Вотъ широкій языкъ — флагъ похожій на громаднѣйшій 100 рублевый билетъ, на немъ какіе-то буквы. Графъ видитъ: это — „т. п. п.“, а вотъ безпечно качающійся водянисторозовый и на немъ: „к.-д.“, а вотъ — цѣлая сотня черныхъ, узенькихъ и коротенькихъ язычковъ и на нихъ: „п. п. п.“, союзъ р. л.“, „с. 170“ и много иныхъ которыхъ графъ и разобрать не можетъ. И всѣ они безпорядочно болтаются въ воздухѣ, и всѣ хохочутъ и страшныя слова мелькаютъ въ глазахъ: „Пред...“, „Провак...“, „Конст...“. „Бутер...“ И возмутительнаго содержанія дерзкія рѣчи висятъ во воздухѣ, и всюду сарказмъ, злоба, насмѣшка; и графъ задыхается отъ безумнаго хохота, и душно ему, и страшно, и хочетъ онъ схватить нѣсколько черныхъ язычковъ, крикнуть имъ: „И ты Брутъ!“, но мозолистыя грязныя руки отстраняютъ его и въ изступленіи графъ кричитъ:

— Эй, братцы, люди, кто нибудь, гони ихъ въ шею — всѣхъ, спасите, мнѣ страшно быть одному, мнѣ трудно!.. И новый хохотъ, взрывъ досады, и ненависти, а изъ земли выпрыгиваютъ какіе-то маленькіе дряхленькіе человѣчки, съ большими безпорядочно включенными волосами, заложеными за ухо перьями, блѣдными и голодными лицами. Они что-то жуютъ, и въ лѣвой рукѣ у каждаго по большому бутерброду съ толстымъ слоемъ масла и ветчины... Маленькіе, подслѣповатые глазки ихъ въ упоръ глядятъ на графа, и всѣ они въ безмолв-

номъ ожиданіи, трясутся прикладывая руку съ бутербродомъ къ сердцу, какъ бы въ знакъ клятвы. — Пишите! Сейчас пишите: опровергайте, все опровергайте — ложь, не было, безъ моего вѣдома, все это Дурново надѣлалъ... а бросьте же бутерброды на минуту, поспѣете; еще пришлю... Пишите!

И передъ глазами графа на большемъ бѣломъ бутербродѣ маленькіе человѣчки стали что-то выкладывать не-то сыр не-то буквы... Ваше-с...-тво ваше-с-тво... трясаясь отъ страха лепечетъ маленькій лысый старикъ, показывая графу какую-то большую газету: — Нельзя, поздно... Вотъ пропечатаны всѣ какъ есть документы... все узнали... нельзя опровергать!.. Ваше-сс... Мы не виноваты ей Богу... не... Ваше-сс... Мы — старые литер...

— Молчать! — дико крикнулъ графъ... Выдали! Продали! О, дармофды все «Государство» бутербродами испортили, не слѣдите, обо всѣмъ болтаете, все узнаютъ...

О, литераторы! Милліонъ портфелей вамъ на голову!.. Чтобъ васъ сотни премьеровъ любило! Чтобъ вамъ каждый день въ жаркихъ и холодныхъ свободахъ купаться!.. О, дармофды!.. И земля задрожала, послышался страшный гулъ и трескъ, и графъ почувствовалъ, что онъ съежился, задрожалъ и покатился въ безвозвратную, холодную пропасть и... проснулся. Холодный потъ стоялъ у него на тѣлѣ...

Была глухая ночь...

Сонъ?!.. О, слава... — прошептали губы графа, и руки его потянулись къ изголовью и вытащили свѣжій номеръ «Русск.

ЗАМѢТКИ.

— Изъ официального Московскаго сообщенія: въ пересыльной тюрьмѣ при комплектѣ въ 2145 человекъ находится всего 1767, въ губернской тюрьмѣ при комплектѣ въ 990 содержится 983 и т. д.

Оказывается—о, ужасъ!—не хватаетъ для полного укомплектованія двухъ тюремъ 385 свободныхъ гражданъ. Дѣйствительно, набрать такое большое количество—385 человекъ!—особливо при настоящей спокойной выборной «кампаніи»—весьма и весьма затруднительно!..

— Къ выбранному отъ нѣкоего завода оригинальному депутату изъ снѣга—небывалое явленіе—даже постовой городской относится съ большимъ сочувствіемъ, не безъ юмора замѣчая: все равно къ апрѣлю безпремѣнно растаетъ!..

— «Русск. Госуд.» утверждаетъ, что роскошное «натуральное» довольствіе знаменитыми бутербродами по стоимости своей почти что достигаетъ установленнаго въ Россіи арестантскаго пайка... Скажите, пожалуйста: еще обижаются!.. Мало!?! Ишь какіе прожорливые сотрудники!.. Вонъ — «гороховымъ» сотрудникамъ никакихъ бутербродовъ не полагается, а дѣло-то—посерьезнѣе и пользы отъ нихъ больше...

А то—работа?!... Диктанты писать да калоши подавать!...

ХОЛЕВА.

Внѣшняя политика.

Госуд.», и широкая, умильная улыбка изобразилась на свѣтломъ графскомъ челѣ...

— Все благополучно... все... О, милое дѣтище! Слава... Слава «Бутерброду»...

ДМ. АЛБИНОВСКІЙ.

Діалоги

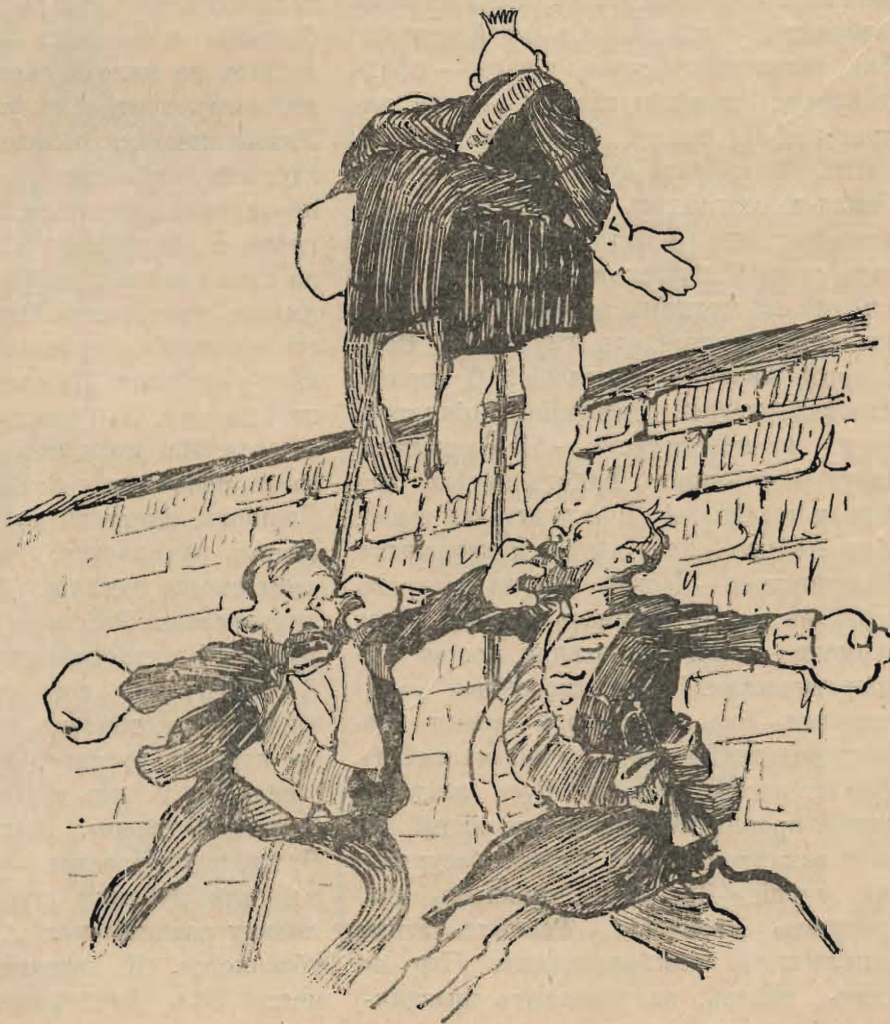
въ первую весеннюю ночь.

Въ эту ночь раскрой объята,
Обойми весь міръ!...
Эта ночь, поэты братья,
Ночь весеннихъ лиръ...

* *

Раньше, чѣмъ раскрыть объята,
Я хочу узнать:
А жандармовъ, какъ же, братья,
Тоже обнимать?!...

М. А.

Внутренняя политика.

Иѣшій городской: „За усердіе?...“ „За храбрость?...“ Ты это въ какой-же компаніи медалей нахваталъ?...
Конный городской: Въ славную предвыборную компанію 1906 года...

У балагановъ.

Раешникъ.

Пажал-те судари, сударыни, Господа хорошіе, молодья барыни! Къ намъ заверните, поглядите, Съ собой пятачишка захватите! Гсякое у насъ — представленіе: Акробаты клоуны — одно заглядѣніе! По балету философы спеціалисты, Въ критикѣ зубоскалы—артисты. Пожал-те поглядѣть, посмѣяться, Промежъ важныхъ господъ потолкаться! Сейчасъ самъ Меньшиковъ появится, Надъ жидами да чухнами позабавится. Надъ поляками произведетъ глумленіе, Всей Европѣ, Азіи на удивленіе! О странѣ Марокко, русской революціи, О пѣнствѣ, ругнѣ и проституціи — Поразскажетъ много безобразнаго, Будетъ пѣтѣха для народа празднаго!... Поясняетъ все тонко, обстоятельно—Для дѣтей и взрослыхъ занимательно—Дескать смута вся отъ пьянства велія, Опилась святая Русь дурмана—зелія; Пропаганда всякая демократическая. Забастовка общая политическая—Все отъ пьяной жизни прожигательства, А тому ученныя имѣтъ доказательства. Опоилю Русь жиды и прочіе проклятыя, Супостаты, наши вороги заклятыя! Карла Маркса басурманское ученіе—Для насъ, славныхъ «патреотовъ» огорченіе — Разныхъ этихъ сицилистовъ безобразниковъ, Что не чтятъ поповъ, не уважаютъ праздни-

ковъ, Разутюжить дядя Меньшиковъ старательно... Только слушайте, почтенные, внимательно! Болтовней съизмальства занимается, Въ «Письмахъ къ Ближнимъ» распинается. Эй вы, ближніе, дальніе, поскорѣйча! Выходите господинъ Буренинъ таперича. Торопитесь поглядѣть на чудо русское, Голова — большая, а смекалка—узкая, За то, почтенные, на манеръ барбоса лается: Первѣйшимъ критикомъ у насъ считается! Умные помоями обливаются, Дураки за глупость восхваляются. Потому—известно—началь стариться, Ну а старику не грѣхъ и запариться! Старикъ—хорошій да одно—несчастіе: Къ сочинительству имѣетъ пристрастіе. Великая польза отъ его сочиненія, Особливо въ мѣстахъ полного уединенія. Не одними словами онъ потѣшается, Кой когда и въ плясъ пускается: На могилахъ камаря откалываетъ, Непечатныя слова приговариваетъ Пляшетъ, пляшетъ да умается... Новый номеръ начинается: Скальковскій анекдоты своего издѣлія. Для пущаго публики веселія, Разскажетъ весьма поучительно, Пріятно, забавно и язвительно. О балетѣ свое воспоминаніе, Тутъ же выложитъ потомству въ назиданіе! Что же публика русская, православная, Неужели-жъ у насъ труппа не забавная? Всякіе жонглеры, всякое кувырканіе... Оцѣните шутовское стараніе!... Много мы для публики стараемся, Лбомъ о стѣнку расшибаемся! А посѣтителей все убавляется. И казенный заказъ—отнимется! Эхъ, почтенные, люди рускіе

Не глядите, что у насъ лбы узкіе. О коммерціи имѣемъ ясное понятіе, Подыскали мы себѣ хорошее занятіе: Промежъ дѣломъ свахами наряжаемся, свести «одинокую» съ «одинокимъ» стараемся...
 Н. И. Д.

Предъ займомъ.

Ой—ли! Витте плохо спится
 Убѣгаетъ сонъ...
 Если что... скандалъ случится...
 Вдругъ, какъ Мендельсонъ...
 На своихъ надежды мало...
 Коль издать законъ,
 Не поймаетъ, какъ бывало...
 Говорятъ; pardon...
 Все бумажки да бумаги,
 Стихъ презрѣнный звонъ,
 Ахъ, зачѣмъ же мы не маги,
 Зазвенѣлъ бы онъ...!
 Ка-бъ Иване... нѣтъ, ой, плохо!
 Ужъ какой тутъ сонъ.
 Чудодѣй онъ и... пройдоха...
 И... и... Мендельсонъ...

М. А.

А вотъ и я!...

Весеннія пѣсни.

Скрыли звѣзду золотую
Мрачныя полчища тучъ,
Моря волну голубую
Ужъ не лобзаль ее лучъ...
Пѣнятся волны, рыдаютъ,
Съ стономъ на берегъ бѣгутъ,
Берегъ слезой омывають,
Витязей смѣлыхъ зовутъ:

Смѣлые къ намъ,
Къ скорбнымъ волнамъ!
Счастія лучъ
Кто возвратить?
Полчища тучъ
Кто поразить?

* *

Съ мрачной скалы отзывался
Витязь-орелъ молодой,
Къ свѣту, какъ волны, онъ рвался,
Тьму презиралъ всей душой.
Смѣло онъ въ битву вступаетъ,

Молнія блещетъ вокругъ,
Сила орлу измѣняетъ,
Громъ... и онъ падаетъ вдругъ...
Вздрогнули скалы пѣмны,
Слезы роняетъ роса,
Всѣ упованья бывлыя
Смерти скосила коса...

* *

Бѣлая чайка вспорхнула,
Въ битву вступаетъ со тьмой,
Молнія грозно блеснула,
Чайка поникла головой...

* *

Пѣнятся волны, рыдаютъ,
Съ стономъ на берегъ бѣгутъ,
Берегъ слезой омывають,
Витязей смѣлыхъ зовутъ...
Витязи-вихри несутся...
— Мы возвратимъ свѣтлый лучъ...
— Мрака завѣсы порвутся,
— Мы сокрушимъ силу тучъ!

* *

Кончается бой,
Золотой лучъ блеснеть.
И съ волной
Голубой говорить...
Вспоминаютъ борцовъ и тотъ бой,
Что волнамъ воротили покой...

М. А.

Любимая газета.

Практическіе совѣты.

Коемуждо вѣдомо, како большія стекла изготовляютъ: взявъ осколки мелкіе, оныя склеиваютъ, и — мигомъ единымъ — стекло огромное получаютъ. Дабы же потребные для сего мелкіе осколки получить — легчайше есть въ дребезги большихъ стеколъ усердное разбитіе часто производить.

Такожде и Россіи спасеніе. Бывъ въ дребезги разбита и покалѣчена симъ путемъ мудрымъ правителями навѣкъ спасена будетъ. Сказано бо есть: нѣсть власть, аще не отъ Бога. Терпѣніе — же къ одержанію викторій и врага одолѣнію всегда успѣшно бывало.

Нѣмецъ, обезьяну хитроумно придумавъ, весьма лѣпный способъ дѣланія пушекъ открылъ: взявъ большую дыру-оную чугуномъ рачительно обливаютъ.

Способъ сей для совершенія займовъ не всегда успѣшенъ бываетъ, пушки же хотя бы онымъ путемъ и получались, то въ памяти все же держать надлежитъ, что суть не въ пушекъ построеніи, а въ поспѣшномъ онымъ пользованіи и безмѣрномъ во всѣ стороны стрѣлянніи и жилыхъ мѣсть разрушеніи.

Такъ дѣйствуя — съ пріятностью и пользою время проведешь и, отъ начальства лестную аттенцію заслуживъ, жизненный путь свой сугубо усладишь.

Въ Бѣлой Арапіи жительство имѣющіе — индусами нарицаемые — секретъ имѣютъ, како крупную дичь, слонами рекомую, ловити. Охоту сію задумавши — тако поступаютъ. Нѣкое дерево стоеросовое, пальмой палисандровой именуемое, густо гумми-арабикомъ мажутъ и, пока слонъ къ сему дереву не прислонится, въ отдаленіи стоятъ. Сего дождавшись — за слономъ новое наблюдение имѣютъ дондеже слонъ крѣпко не заснетъ и въ объятіяхъ Морфея не успокоится. Замѣтивъ слона усыпленіе, его — къ дереву гумми-арабикомъ приклееннаго — веревочкой вяжутъ и, къ стволу притянувъ, дерево спи-

ливаютъ. Отъ сна пробудившись слонъ съ грустью себя пойманнымъ зрѣть и на потѣху съ легкостью употребленъ бываетъ.

Сей секретъ адмираломъ Дубасовымъ бывъ для поимки революціонеровъ и возвращенія милліона изъ банка экспроприованнаго использованъ — имѣетъ доблестному адмиралу новую и новую славу доставить.
НЕ—БУКВА.

Какъ относится „матушка рента“ къ народу и къ горю.

Таганрогъ. 10 марта. Забастовали артели и извозчики.

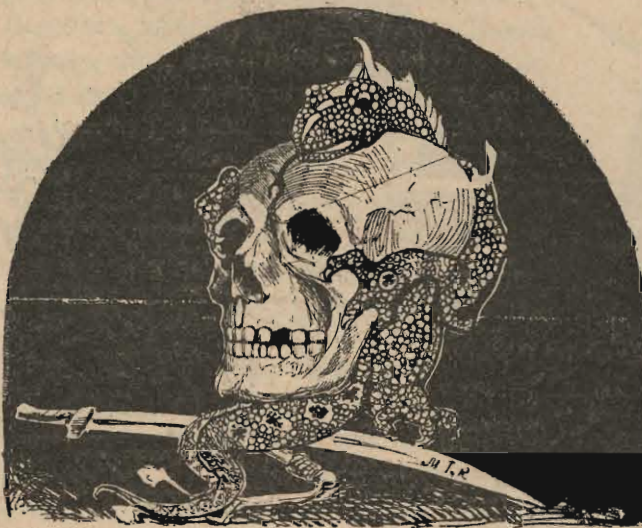
С.-Петербургъ. 11 марта. Рента — 78¹/₄.

* * *

Азовъ. 16 марта. Забастовка извозчиковъ кончилась. Требования ихъ удовлетворены.

С.-Петербургъ 17 марта. Рента 78³/₈.

БИРЖЕВИКЪ.

Обзоръ печати.

1.

„Р. Г.“ рекомендуетъ важно,
Чтобъ жизнь страны шла безъ помѣхъ:
„Намъ нужно дѣйствовать отважно
На умъ и сердце гражданъ всѣхъ...“

Совѣтъ благой, но запоздалый —
Тѣ дѣйствія не новы намъ:
Насъ бьютъ не только по сердцамъ
И въ голову — куда попало...

2.

Другой находилъ перлъ въ „Н. В.“ —
Тамъ говорятъ краснорѣчиво:
„Не вѣрьте въ людской молвъ —
Для всѣхъ власть будетъ справедлива...“

Ахъ, справедливостью своей
Она давно насъ угнетаетъ:
Равно и женщинъ и дѣтей
И стариковъ уничтожаетъ...

3.

Тамъ же кто-то все поетъ
Съ увлеченіемъ и страстью:
„Бюрократія ведетъ
Русь къ свободѣ мощной властью...“

Черносотенная тьма
Правду невзначай вѣщаетъ:
Гнетъ, разстрѣлы и тюрьма
Насъ къ свободѣ приближаютъ...

ВЛ. ЛЕНСКИЙ.

* * *

Пальма спитъ подъ лепетъ Нила,
спитъ головку наклонила,
и ей грезится во снѣ
о соснѣ...

* * *

Что невѣста, на курганѣ
какъ въ фатѣ, въ сѣдомъ туманѣ,
бѣлымъ инеемъ она
убрана...

* * *

Пальма спи, не просыпайся,
грезой сладкой наслаждайся:
гдѣ сосны чернѣла тѣнь—
Нынче пень...

* * *

Стволъ для висѣлицы взяли,
вѣтви въ кучу побросали,
а потомъ... нѣтъ, нѣтъ не знай!...
Спи... мечтай...

* * *

Пальма спать подъ лепетъ Нила,
спить головку наклонима...
а далеко, тамъ... что день—
Новый пень...

ФОНЪ ЭМЪ.

Они хохотали.

Посещается бюрократамъ.
(Почти изъ Гейне).

Народъ въ мученьяхъ изнывалъ,
Во тѣмъ и рабствѣ онъ страдалъ...
Они въ довольствѣ утопали
И надъ народомъ хохотали.

И шла война. За нею голодъ,
Несчастья, ужасъ, мракъ и холодъ...
Они крамолу умерщвляли
И громко, звонко хохотали.

Нагайки, плети, пушекъ рядъ...
Деревни, города горятъ...
Они—по прежнему плясали
И шумно, звучно хохотали.

Народный стонъ, какъ громъ, звучалъ.
Кровавый ужасъ Русь объялъ...
Они—крамолу умерщвляли
И надъ народомъ хохотали.

НЕ-БУКВА

Хроника.

1.

— Изъ министерства усмиренія,
По слухамъ, рѣшено издать
Приказъ: въ виду переполненія
Всѣхъ тюремъ, отмѣнить стѣсненія
И узниковъ изъ заключенія
Освободить... и разстрѣлять...

2.

— Упорно слухъ идетъ изъ кабинета:
За шапку всѣмъ извѣстнаго поэта,
Чтобъ впредь никто не могъ ужъ по-
страдать —
Министрамъ рѣшено по шапкѣ дать...

3.

— Роскошный балъ сановникъ П. Д.
Всѣ ожиданья превзошелъ. Дышали
Весной цвѣты повсюду. И въ средѣ
Изысканнаго общества сіяли,
Какъ звѣзды, люди лучшіе страны:
Министръ Акимовъ, строгій охранитель
Законовъ; насадитель тишины—
Дедюлинъ, шефъ жандармовъ; побѣди-
тель

Дубасовъ; вдохновенье и талантъ
Полиціи всей—Вунчъ; Минъ исправный,
Курловъ, Орловъ; дворцовый комен-
дантъ—

Безстрашный Треповъ... Всѣхъ ихъ, къ
сожалѣнію,
Не перечестъ. До третьихъ пѣтуховъ
Шли тавцы въ небываломъ оживленіи,—
И дирижеромъ былъ корнетъ Фроловъ...

ВЛ. ЛЕНСКИЙ.

Крокодилъ и гамадриль.

По слухамъ, Витте
уѣдетъ за границу.
(Изъ газетъ).

Почтенный крокодилъ
На солнышкѣ пригрѣлся,
Какъ вдругъ проказникъ гамадриль
Ему на хвостъ усялся.
И говоритъ: „ты знаешь край,
Тамъ мясомъ объѣдайся,
Не жизнь для крокодиловъ—рай,
Туда ты отправляйся...
„Эхъ ты, отвѣтилъ крокодилъ:
Иль ты не знаешь гамадриль:
Вороны улетаютъ,
Когда ужъ ширъ кончаютъ...
Но не повѣрилъ гамадриль...
Вдругъ крылья зашумѣли:
Вороны—правъ былъ крокодилъ—
Изъ той страны летѣли...

М. А.

Я васъ поролъ.. И плеть еще, быть мо-
жетъ,

Не мало новыхъ ранъ вновь при-
несетъ вамъ всѣмъ...

Меня мученья ваши вовсе не тревожатъ
Изъ власти я своей не поступлюсь
ничѣмъ.

Я васъ поролъ серьезно и надежно
Усердьемъ и жесткостью томимъ
Я васъ поролъ такъ искренно и нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ быть испоро-
тымъ другимъ.

НЕ-Б.

Редакторъ-издатель Нилмолай Данишевскій.

Еженедельный художественно-сатирический журналъ

„ПЧЕЛА“

Цѣна въ годъ съ перес. и доставкой въ СПБ. — 4 р., въ провинціи — 5 р. Отдѣльн. ном. въ СПБ. — 10 к., въ провинціи — 15 к. При покупкѣ въ конторѣ свыше 10 экз. — скидка. При заказѣ наложен. платеж. просьба прилагать 1/2 стоимости заказа.

Объявленія — строка: предлож. труда — 10 к., остальн. — 20 к. Редакторъ принимаетъ Суб., Поч., Бт. отъ 10 до 12 дня. Завѣдующій конторою отъ 5 до 7 веч.

Пробный номеръ высылается за двѣ семи коп. марш.

Редакція: Забалканскій пр., д. № 20 кв. № 32. Контора: тамъ же кв. № 31. Литературный матеріалъ просить направлять въ редакцію съ указаніемъ желаннаго гонорара. — Мелкія рукописи не возвращаются.